

В. ГАГАРИНА

КАЖДЫЙ ГОД
12 АПРЕЛЯ

Время. Характер. Судьба

В. ГАГАРИНА

629.78
Г127

КАЖДЫЙ ГОД 12 АПРЕЛЯ

Литературная запись **Михаила Реброва**

Художник **Д. Аникеев**

1366087

НТБ п/я Г-4149

Москва
«Советская
Россия»
1984

6Т6
Г12

ОГЛАВЛЕНИЕ

Память (Вместо пролога)	3
Взгляд сквозь годы	7
Зов космоса	25
Почему именно он?..	35
Звездный час	41
Работа продолжается	46
Талант доброты	65
О времени и о себе	74
Маршрутами космонавта-1	84
Каждый год 12 апреля... (Вместо эпилога)	89

ПАМЯТЬ (вместо пролога)

Не помню, чьи это слова: «Не вечен человек. Но память о нем может стать вечной, если он жил для людей. Память — благодарность живых».

О его подвиге написаны документальные повести и романы, стихотворения и песни на многих языках мира, сняты кинофильмы. А каким космонавт-1 был в повседневной, будничной жизни, среди друзей, близких?

Вехи жизни Юрия Гагарина знают сегодня все. Детство в Гжатске, ремесленное училище в подмосковных Люберцах, переезд в Саратов, техникум, аэроклуб. Первый самостоятельный полет. Летное училище в Оренбурге. Снимок на память в новеньком офицерском мундире. Заполярье. Вступление в партию. Отряд космонавтов, подготовка к полету. И вершина его жизни, звездный час человечества. 12 апреля 1961-го...

Нет, пожалуй, назвать этот день вершиной его жизни будет не совсем верно. Вершина — это значит, что дальше путь вниз, подъем завершен. Юрий мечтал о новых вершинах. Он мечтал о движении. В нем видел смысл человеческого бытия.

«Один-единственный шаг к вершине накладывает на человека, его сделавшего, особую печать, которую, хочешь ты или не хочешь, носить приходится. И она требует: «Будь достоин самого себя, дерзнувшего!» — это его слова.

Я замечаю: подробности жизни Юрия Гагарина

интересуют людей в наши дни даже больше, чем сразу же после 12 апреля 1961-го. Многих в то время волновал сам факт: Человек в космосе! Многие (если говорить о сегодняшнем поколении) еще не родились. Теперь, свыше двух десятилетий спустя, космонавтика шагнула далеко вперед. Человечество знает уже немало замечательных подвигов космонавтов, аплодирует небывалому взлету технического прогресса, мечтает о более сложных, масштабных космических свершениях.

Теперь уже не только граждане СССР и второй «космической» страны — США, но и многих социалистических стран поднимаются в необозримые просторы Вселенной «дорогой Гагарина». Люди уже не одиночками, а группами и не часами и сутками, а многими месяцами живут и работают на космических орбитах. Однако никто не забыл, что все началось весной 1961-го с одного-единственного «гагаринского» витка вокруг Земли. И живой интерес к тому, как готовилось и проходило это событие, продолжает возрастать. Люди, думающие о настоящем и будущем, хотят все больше знать о прошлом.

Каким был он?

Я не стану торопиться с ответом на этот вопрос. К тому же однозначно на него не ответишь. Признаюсь: не хочу я и упреков в предвзятости. Я не вела дневников, а потому не смогу во всей полноте восстановить картину прошлого, о котором сохранилась случайная запись или отдельная деталь в памяти. Эта книга, быть может, станет какой-то частью целого, частью жизни — моей, нашей семьи, Юриных друзей и просто знакомых.

Не стану переубеждать тех, кто склонен считать его подвиг случайностью. Есть «случайности» закономерные, подготовленные всей предшествующей жизнью. Подвиги совершают мужественные люди. Но разве не требуется настоящее мужество, чтобы, скажем, не поддаться на лесть, твердо пресечь подхалимство и славословие? Чтобы не согнуться под бременем славы и не принять на свой счет многое из того, что сделано другими? Чтобы без обиняков сказать горькую правду в глаза? И ту же правду выслушать в свой адрес? И разве не требуется величайшее мужество и самообладание, чтобы честно и

прямо разобраться в своих поступках, своих ошибках, заблуждениях?

Тогда, в апреле 1961-го, требовались настоящая отвага и мужество, чтобы сесть в «космический шарик», как иногда называют «Восток», и, не думая о собственной судьбе, унести в безграничное звездное пространство. Но еще труднее было не упиваться своим подвигом, а оставаться рядовым той огромной армии тружеников — конструкторов, ученых, инженеров, рабочих, врачей, испытателей, которая продолжала творить и созидать ради великой цели. Циолковский сформулировал ее так: «Подготовить человечеству великое будущее и соединить с покорением космоса».

Мужество в обыденной жизни... Это, наверно, прежде всего верность делу, верность долгу — простые на первый взгляд слова, но именно они наиболее точно и емко определяют характер человека. А космонавт-испытатель — это характер вдвойне. Инженерам в конструкторском бюро, операторам в Центре управления полетом, пожалуй, легче — их много, и ошибся один, так может выручить другой. В полете, на борту корабля, космонавт — один. Так было в первые годы штурма космоса.

Было... Был... О таких, как Юрий, трудно говорить в прошедшем времени. И пусть вот уже который год весна приходит без него, он среди нас, в памяти и в сердце. И слова его: «Мы просто делали свое дело» — приобретают теперь особый смысл.

Каждый раз, когда разговор заходит о Юрии Гагарине, я испытываю особенное чувство. Радостное потому, что он мне особенно дорог — мой друг, мой муж, отец моих девочек. А тревожное потому, что многое из того, что написано о нем, на мой взгляд, не выражает в полной мере сути его характера, не показывает его таким, каким он был.

Не скрою: в этот раз я вновь терзаюсь сомнениями, сумею ли рассказать читателю о Юрии именно как о человеке, а не только как о космонавте, понимая в то же время, что разделить это в Гагарине нельзя.

Он был заботливым сыном, внимательным мужем, любящим отцом; он был членом школьного родительского комитета, возглавлял техническую комиссию Федерации водно-лыжного спорта, он был

членом ЦК ВЛКСМ и президентом Общества советско-кубинской дружбы; он писал книги и статьи, выступал по радио, ездил в командировки, выполнял нелегкие партийные и депутатские поручения... Он учился в Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского, много читал, любил возиться с детьми, находил время для друзей... Он был одержим своей работой. Он хотел летать и готовился к этому. Каждый день.

Я и сейчас помню все дни, когда он бывал грустным и усталым, расстроенным и даже злым. Но я не помню его равнодушным, безразличным, бесстрастным... Он никогда не был таким. Он жил для людей.

Больше его не будет — ни нежной открытой улыбки, ни искринок в задорных глазах, ни взрывного динамизма, ни мечты, устремленной в завтра, но до сих пор его друзья, близкие, товарищи по работе говорят о Гагарине не в прошлом, а в настоящем времени. Разный след оставляют на земле люди... Научные открытия и симфонии, сады и архитектурные ансамбли, книги и художественные полотна, технические сооружения и героические подвиги. Но есть и еще один, пожалуй, самый важный след — память, которая остается о них у других. Такой яркий след оставил в человеческой памяти воспитанник Ленинского комсомола, коммунист Юрий Алексеевич Гагарин.

Прошло более двадцати лет со времени легендарного подвига советского народа — осуществления первого в мире полета человека в космическое пространство, а кажется, что все случилось только вчера. Простое русское гагаринское лицо, его очаровательная улыбка, его шутки и страстные выступления в защиту мира, его воспоминания о 108 минутах свидания с космосом, рассказы о нашей стране, которыми он щедро делился на всех континентах планеты, до сих пор памятны людям.

И каждый год 12 апреля его товарищи и друзья повторяют: «Мы должны сделать то, что не успел сделать он. Мы обязаны жить и работать с его энергией и энтузиазмом, с его верой и преданностью нашему общему делу, не жалея сил, а если потребуется — и самой жизни».

Они верны этой клятве.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

Если бы кто-нибудь, пытаясь узнать, что люди думают сами о себе, о прожитых годах, распространил анкету, в которой был бы один-единственный вопрос: «Что в вашей жизни было самым главным, самым важным, самым значительным?» — то Юрий наверняка бы ответил, что самого главного важного и значительного у него еще не было, что оно впереди. Иначе зачем тогда жить?

Жизнь — это долг, хотя бы она была мгновением, — так сказал Гете. Эти слова, прочитанные однажды, глубоко запали Юрию в сердце... Своё назначение он понимал так: быть человеком ответственно, быть первым ответственно вдвойне. Вот что основное в его характере, его натуре.

Не сразу он открылся мне таким. Не сразу таким стал. Но было в нем что-то, что крепло и росло с годами. Я не знаю, как точнее это назвать. Наверное, строгость. Строгость к себе. Строгость в большом и малом... И еще доброта.

Откуда в Юре внимание и любовь к людям? Любовь искренняя и бескорыстная... Откуда его стремление помочь человеку, разделить чужую беду, подставить свое плечо пошатнувшемуся?

О характере Юры можно сказать словами его матери Анны Тимофеевны. Кто мог знать его лучше, чем мать, которую он очень любил?

«Он был очень веселый, редко злился и не любил ссор, наоборот, шуткой и смехом всех мирил. И его все любили. Он общим баловнем был. Да вы посмотрите на Юрины фотографии — лицо у него всюду счастливое. Этим он и приметен...

И еще приметным в нем было с детских лет то, что он все сам старался делать, а понуканий не терпел. Потому я и норовила так подстроить, чтобы он своим умом догадался, за какое дело взяться. Бывало, забудешься, прикрикнешь: «А ну, за уроки!» — и пожалеешь: не в охотку ему занятия из-под палки.

Не любил Юра принуждения, но родителям старался быть в помощь. У пных людей слов о труде много хороших, а дети видят: говоришь сладко, а работаешь шатко... Из-под рук Алексея Ивановича

(это отец Юры.— В. Г.) ни одной вещи, плохо сделанной, не вышло. Хоть дом, хоть скворечня, хоть палочка-чижик. И Юрины игрушечные самолетки тоже долго жили. Он с детства все делал основательно и от задуманного — кол у него на голове теши! — не отступится».

Все это так. И все это служит ответом на вопросы, которые я задаю себе, да и не только я. Ответ на эти вопросы ищут и уже повзрослевшие мои девочки — Лена и Галя, которые в чем-то своем, пусть малом, но хотят повторить отца. Думаю и верю, что это им удастся. Обeim...

У каждого времени есть особые приметы: свои события, свои игры, свои мальчишки. Мальчишки Юриногo детства ходили в рубахах с чужого плеча, ели мороженую картошку, имели один учебник на полкласса и играли в войну, хотя она была все время с ними рядом.

Когда Юра учился в первом классе, произошло одно событие, в общем-то незначительное, но он запомнил его на всю жизнь. Над селом, где жила семья Гагариных, пролетали два самолета с красными звездами на крыльях. Первые самолеты, которые Юрию довелось увидеть. Один из них был подбит в воздушном бою, и летчик тянул его из последних сил на болото, поросшее кувшинками и камышом. Самолет упал и переломился, а летчик, молодой парень, удачно выпрыгнул над самой землей.

Рядом с болотцем опустился второй самолет. Пилот не оставил товарища в беде. Мальчишки, среди которых был и Юра, сразу же побежали туда. Они жадно вдыхали незнакомый запах авиационного бензина, рассматривали рваные пробоины на крыльях, трогали обшивку кабины и заглядывали внутрь, косясь на летчиков, которые зло жестикулировали руками, ругали кого-то, и понять из их разговора можно было только то, что дорого достался фашистам этот исковерканный краснoзвездный ястребок.

Когда один из пилотов расстегнул кожаную куртку, на его гимнастерке блеснули ордена. Это были первые ордена, которые увидел Юра. И глядя на исковерканный самолет, он понял, какой ценой достаются военные награды.

Каждый в селе хотел, чтобы летчики переночевали именно у него в доме. Но они провели ночь у самолета. Мальчишки тоже остались с ними. Переживаясь от холода, перебивая молодой соев, они не спускали с героев слипающихся глаз. Наутро летчики улетели на одном самолете. А в душе Юры осталось какое-то странное, ранее неизведенное чувство: хотелось летать, водить в небе самолет и быть таким же храбрым и красивым, как эти двое. ✓

Но мечта была еще не до конца осознанной, далекой, а жизнь — суровой и горькой. Оккупация, зрелище угоняемых в Германию молодых людей, детей, среди которых находились старшие брат и сестра Юры, повальные обыски и грабежи, зверства фашистских солдат, кровавые зарева пожаров...

Издательство «Детская литература» попросило Юрия Алексеевича написать небольшую книжку для детей, рассказать о себе, о своем детстве. «Какой же из меня писатель? — отказывался Гагарин. — Я летчик, и мне легче писать фигуры в небе...» Его уговаривали, обещали помощь. Отказывать он не любил и, вздохнув, согласился: «Попробую, но не уверен, что получится».

Скажу откровенно: не все у него получилось. И времени не хватало, и «ключик», как он говорил, никак не мог найти к этой книге. Мучился данным обещанием, но отступить от своего слова не мог.

У нас дома хранятся черновые наброски, которые он делал, работая над книгой. Вот лишь три разрозненных отрывка, но по ним, как мне кажется, можно судить о Юрином восприятии детства:

«Мама наша, так же, как и отец, в молодости не смогла получить образования. Но она много читала и многое знает. Она могла правильно ответить на любой вопрос детей... Очень я люблю свою маму и всем, чего достиг, обязан ей». И далее: «В нашей семье авторитет отца был непререкаем. Строгий, но справедливый, он преподавал нам, своим детям, первые уроки дисциплины, уважения к старшим, любовь к труду».

«...Пятый класс нашей гжатской школы был активным. В День Победы тех, кто учился только на «отлично», приняли в пионеры. Мне тоже повязали красный галстук. Пионерская жизнь была ключом: выступления в духовом оркестре, занятия в круж-

ках, драматическом и авиамоделизма, участие в спектаклях. И еще много других дел, обычных для пионерского возраста...

После шестого класса я уехал в Люберцы, что под Москвой, и поступил на литейное отделение в ремесленное училище при заводе сельскохозяйственных машин. Казалось, все нам нипочем, все можем и умеем. А когда привели нас к месту будущей работы, мы совсем оробели: куда ни глянь — огонь, дым, струи расплавленного металла... Но ведь мы и хотели получить «огненную» литейную специальность. Сказал себе: привыкай. Огнем управляет человек...»

«Каждый человек берет за образец жизнь другого, живущего в его сердце человека. Таким образом для советских людей является Ленин».

«Нам очень повезло, что мы родились и выросли в Советской стране,— говорил он и добавлял: — Историю нашей Родины, ее народа мы должны знать, изучать, впитывать в себя». Книжки по истории, кинофильмы, особенно документальные ленты прошлых лет, рождали в нем раздумья, и он старался найти связь между днем вчерашним и сегодняшним. В одной из статей он писал:

«Кто-то подсчитал, что мощность двигателей ракеты, которая вывела на орбиту первый краснозвездный «Восток», равнялась собранной воедино силе тяги всего конского поголовья дореволюционной России. Такое сопоставление хотя и остроумно, но печально. Страна отсталости и деспотизма, какой была царская Россия, не могла бы вырваться в космос, имея она даже не одну только сивку да телегу. Чтобы подняться к звездам, мало разорвать пути земного притяжения — нужно было прежде сбросить оковы, в которых томились до Октября труд, разум, душа человека! Недаром основоположники научного коммунизма называли парижских коммунаров «людьми, штурмующими небо».

Меня всегда поражает всеобъемлющий и разносторонний гений Ленина. Удивительна была способность Владимира Ильича угадывать великое будущее новых, едва оформившихся идей, теорий, направлений технического прогресса. Так было с физикой атомного ядра и подземной газификацией угля, с конвейерной системой производства и раз-

витием радиовещания. Мы по праву гордимся тем, что космонавтика стоит в ряду этих проблем, отмеченных вниманием Ильича».

Или такие строки из воспоминаний Юрия:

«Циолковский перевернул мне всю душу. Это было посильнее и Жюль Верна, и Герберта Уэллса, и других научных фантастов. Все сказанное ученым подтвердилось наукой и его собственными опытами. К. Э. Циолковский писал, что за эрой самолетов винтовых придет эра самолетов реактивных, и они уже бороздили стратосферу. Словом, все предвиденное гением К. Э. Циолковского сбывалось. Должна была свершиться и его мечта о полете человека в космические просторы. Свой доклад я закончил словами Константина Эдуардовича: «Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все около-солнечное пространство».

Прочел и почувствовал, — вспоминает Гагарин, — как сердце мое дрогнуло и забилося сильнее... И, может быть, именно с этого дня у меня появилась новая болезнь, которой нет названия в медицине, — неудержимая тяга в космос. Чувство это было неясное, неосознанное, но оно уже жило во мне, тревожило, не давало покоя».

4 октября 1957 года Юра еще был в училище. До выпуска оставалось совсем немного времени, уже строились планы на будущее, шли разговоры о возможных вариантах распределения, и вот — сообщение ТАСС о запуске первого спутника.

«Я ощутил легкий, уже знакомый озноб.

То, о чем так много писала мировая пресса, о чем было множество разговоров, свершилось! Советские люди, обогнав в негласном соревновании США, первыми в мире создали искусственный спутник Земли... 3 ноября 1957 г. в небе появился второй ИСЗ со знаменитой Лайкой. Читая в те дни газеты, описывающие полет второго искусственного спутника Земли, я размышлял: «Раз живое существо уже находится в космосе, почему бы не полететь туда человеку?» И впервые подумал: «Почему бы мне не стать этим человеком?» Подумал и испугался своей дерзости: ведь в нашей стране найдутся тысячи более подготовленных к этому людей, чем я. Мысль

мелькнула, обожгла и исчезла. Стоило ли думать о том, что свершится, наверное, не очень скоро. Выпуск из училища, свадьба, отпуск, назначение в строевую часть были ближе, это был мой сегодняшний день. И все же второй спутник Земли больно задел во мне какой-то оголенный нерв, и я вдруг понял, что жду чего-то, что обязательно должно прийти».

Его мать, Анна Тимофеевна, рассказывала, как бежала она в ту памятную апрельскую среду 1961 года на вокзал и твердила себе: «Скорее, скорее в Москву!» А в поезде, сняв с головы платок и вытирая им слезы, говорила всем: «Мой сын в космосе... Юрка мой, сынок. Что же он наделал!» На нее смотрели все, около нее собрался народ, качали головами и тоже плакали. Почему? Не знаю. От счастья, наверно. Есть такие слезы счастья. А она продолжала вспоминать, как ее Юрка, малец совсем, тербил ее за рукав и твердил, уставившись в небо: «Мама, смотри какие красивые звезды!»

И как надо было стремиться к этим далеким звездам, чтобы они оказались вблизи.

Снова и снова перебираю в памяти факты из Юриного детства: рассказы его матери, его учителей и товарищей, его самого.

√ Жили они очень трудно. Пришла война, совсем худо стало. Из дома вынуждены были перебраться в землянку, а дом их фашистские солдаты под постой забрали. Так что Юра с детства холод и голод узнал, обид натерпелся. По весне выползли мальчишки из землянки и давай первую траву щипать. Нарвали полные кулачки, принесли и просят: «Мама, свари...»

Годы не стерли в его памяти увиденного и пережитого. Книжки и кинофильмы о войне всегда возвращали его в прошлое:

«Однажды, в раннем детстве (этот день запомнился мне на всю жизнь), я прибежал домой промокший от дождя и замерзший. Мама покачала головой:

— Где ты пропадал? Смотри, что с тобой...

Она поставила на стол миску с вареной картошкой. Картофелин было немного: каждому по одной.

Когда мой взгляд задержался на тарелке, которая опустела раньше, чем мне хотелось, мама молча переложила ко мне картошку из своей... Была война».

Ребята писали кто на чем мог, порой используя тетрадки, сшитые из старых газет. Зимой в школе было до того холодно, что замерзали чернила в пузырьках, а заниматься приходилось в пальто. Сидели ученики не за партами, а за самодельными, сколоченными из длинных досок столами — по пять-шесть человек за каждым. Чтобы выйти к доске, нужно было нырнуть под стол или протиснуться за спинами товарищей. Но невзгоды не мешали учиться.

Юра носил учебники в потертой полевой сумке. В школу он обыкновенно приходил в белой рубашке, подпоясанной широким солдатским ремнем с латунной пряжкой, на голове ладно сидела пилотка. Это был его парадный костюм. Юра его очень берег и, возвращаясь из школы, переодевался в простенькую ситцевую рубашку, старые штанишки, снимал ботинки и до холодов бегал босиком.

Учился Юра хорошо, старательно. Его отличали необыкновенная живость и любознательность. Он был очень непоседлив, энергичен, всегда первым рвался к доске и все схватывал буквально на лету...

Отсутствие достатка не сделало его скупым, расчетливым. Другое дело, зная цену каждой копейке, он рос бережливым. И в то же время мог отдать товарищу последнее, будь то игрушка или кусок хлеба. Потому, наверное, и говорили о нем: «гагаринская доброта».

Его товарищ по ремесленному училищу, Тимофей Чугунов, возвращаясь к 1949 году, скажет:

— Юра мне нравился многими своими качествами: и сообразительностью, и начитанностью, и тем, что при всей своей мальчишеской непосредственности действовал всегда обдуманно, по-взрослому взвешивая все «за» и «против». После первой полочки, помню, наша неразлучная четверка устроила в сквере на лавочке, неподалеку от заводской проходной, скоропалительную оперативку. На повестке дня: как истратить заработанные деньги? Идей было хоть отбавляй — самых разных, но в основном несерьезных или несбыточных: получили-то мы с

гулькин нос — по триста рублей старыми деньгами. Какие уж тут велосипеды, часы, шпироченные клеши — в 1949 году это было модно, — какие уж тут путешествия и «тулки» шестнадцатого калибра!.. Юра поначалу фантазировал с нами на равных, а потом вдруг замолчал. Когда мы, так ни до чего не доспорившись, решили все же выслушать и его мнение, Юра твердо, как о чем-то обдуманном окончательно, сказал: «Вы, ребята, как хотите, а я половину денег отошлю маме». Мы вернулись с неба на землю. Каждый вспомнил свою мать...

Я уже говорила, что в семье Гагариных не было достатка. Да и жизнь в первые послевоенные годы была нелегкой. Не только для них — для многих. Юра все это видел, понимал. Другой, быть может, смотрел бы на все невзгоды проще, не чувствуя своей ответственности за то, что семья еле-еле сводила концы с концами. Юра так поступить не мог.

В 1949 году, когда ему исполнилось 15 лет, он решил оставить учебу в средней школе, чтобы быстрее начать помогать родителям. Для мальчишки это непростое решение. Но цель была ясна: поступить работать на завод и потом уже продолжать учиться заочно. Ну а о том, как Юра провел годы в Люберецком ремесленном училище, говорит его выпускная характеристика:

«...Гагарин Ю. А. в течение двух лет был отличником учебы, заносился на Доску почета училища. Дирекцией училища Гагарину Ю. А. была два раза объявлена благодарность за отличную учебу и за общественную работу. Кроме того, директором завода ему объявлена благодарность за хорошую работу в пехе... Гагарин был физоргом группы, добросовестно и точно выполнял все поручения комсомольской организации и администрации училища».

В техникуме он тоже оставил о себе память. И в аэроклубе Гагарина знали лучше других. Это подтверждают воспоминания тех, кто был рядом с ним.

Как-то раз, прыгая с парашютом, неудачно приземлился курсант. Одним из первых прибежал на место приземления Гагарин. Он взвалил на себя товарища и принес его в лагерь...

Юра был паренек хозяйственный и аккуратный. Находясь далеко от дома, сам стирал белье, рубаш-

ки, платки. Были-то у него всего одни выходные брюки да «шведка» красная с «молнией», но как он берег их, бывало, вычистит, отутюжит — любо-дорого посмотреть.

К каждому полету по программе аэроклуба Юра относился очень серьезно. Он не делил упражнения на важные и неважные, простые и сложные. Всегда был собран и педантичен.

«Когда он начал работать в зоне, — вспоминал инструктор, — я был поражен четкостью его действий. Можно было подумать, что машину ведет не выпускник аэроклуба, а профессиональный пилот. Захотелось проверить, не обманчивое ли это впечатление. После того как Гагарин завершил пилотаж, я попросил его снова набрать высоту и повторить левый комплекс. В него входили: переворот, петля Нестерова и полупетля. Гагарин, как и первый раз, все выполнил отлично. Я понял, что это не случай помог курсанту, что Гагарин — человек больших способностей...»

И еще одно воспоминание о нем бывшего начальника штаба Саратовского аэроклуба П. Соколова:

«Хорошо помню, как осенним днем 1954 года в аэроклуб пришел невысокого роста паренек. Он был в форме учащихся индустриального техникума — черные брюки и китель с серебряной эмблемой в петлицах. В то время прием в аэроклуб учащихся и студентов правилами не предусматривался. Но юноша настаивал на своем: хочу летать, и все тут. Была в этом парне какая-то одержимость. И мы сделали для него исключение. Юрий Гагарин стал курсантом аэроклуба».

Напряженными были для Юрия первые месяцы учебы. Приходилось днем заниматься в техникуме, а вечером — в аэроклубе. Всю зиму курсанты изучали теоретические дисциплины, а ранней весной начались экзамены. Гагарин показал отличные знания.

В мае 1955 года у курсантов была летная практика на самолете Як-18. А у Юрия Гагарина как раз в это время начиналась самая ответственная пора в техникуме — дипломный проект. Но он смог и диплом защитить на «отлично», и к выпускным экзаменам в аэроклубе успешно подготовиться, Об

этом красноречиво свидетельствует «Выписка из ведомости индивидуальных оценок пилотов, окончивших Саратовский аэроклуб ДОСААФ» от 24 сентября 1955 года. Оценка знаний теории полета самолета Як-18 — отлично; мотор — отлично; самолетовождение — отлично; радиосвязь — отлично; техника пилотирования — отлично.

Как одного из лучших курсантов аэроклуба Юрия Гагарина направили в военное авиационное училище.

...19 апреля 1961 года, вскоре после первого космического полета, в аэроклуб пришла телеграмма от Гагарина:

«Дорогие друзья-аэроклубовцы! Свой путь в большую авиацию я начинал в аэроклубе. Полеты на самолете Як-18 послужили первой ступенью к космическому рейсу. С глубокой благодарностью вспоминаю коллектив Саратовского аэроклуба, где во мне развили любовь к авиации, заложили основы тех качеств, которые так понадобились в космическом полете».

Об этом периоде своей жизни Юра позже скажет:

— Приходилось работать в две тяги: днем занимались в техникуме, а вечером в аэроклубе... Уставали смертельно и, едва добравшись до коек, засыпали моментально, без сновидений.

Память сохранила многое. И тот вечер в авиационном училище, кружащиеся в танце пары, музыку и вдруг появившуюся группу курсантов-первогодков, стриженных, суетливых, возбужденных своим первым выходом «в свет» после карантина.

Тогда мы встретились впервые. Он пригласил меня танцевать. Вел легко, уверенно и сыпал бесконечными вопросами: «Как вас зовут? Откуда вы? Учитесь или работаете? Часто ли бываете на вечерах в училище? Нравится ли это танго?..»

Если откровенно, то первое впечатление от знакомства с Юрой складывалось как-то не в его пользу. Невысокий, худощавый. Голова большая, короткий ежик волос, торчащие уши. Говорит быстро, после каждой фразы как-то двигает припухлыми губами, будто припечатывает слова. Сказать о нем подвижен — значит ничего не сказать. Порой каза-

лось, будто он одновременно находится в разных местах.

Потом был другой танец, третий... В десять часов музыка смолкла. Он проводил меня до выхода (выходить за проходную училища им тогда не разрешили) и, словно мы уже обо всем договорились, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья. Пойдем на лыжах.

Я промолчала: на лыжах так на лыжах. Уже дома подумала: «А почему я должна идти с этим «лысым» на лыжах? И вообще, почему он держится так уверенно? Знакомы мы всего один день...»

На лыжах мы не пошли. Не было самих лыж, не было и погоды. Пошли в кино. Не помню, какой фильм мы смотрели, но наши мнения о нем разошлись. Сначала спорили, доказывали друг другу свою точку зрения. К единому суждению так и не пришли. Спор перешел на другую тему и тоже как-то не получился. Потом разговор стал совсем скучным. Долго шли молча. Около нашего дома он так же, как и в тот первый вечер, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья. Пойдем... Вот тут он замолчал и посмотрел на меня. Посмотрел и добавил:

— Пойдем в гости.

— Это к кому же?— удивилась я.— К нам, что ли?

— К вам.

Сказал он это просто, словно я сама пригласила его, словно мы давным-давно знаем друг друга.

Позднее, когда я лучше узнала Юру, мне стало ясно, что одно из самых примечательных свойств его характера — умение легко и свободно сходиться с людьми, быстро осваиваться в любой обстановке. Какое бы общество ни собралось, он сразу же становился в нем своим, чувствовал себя как рыба в воде.

В ту пору нам было по двадцать. Далеко идущих планов мы не строили, чувства свои скрывали, немного стеснялись друг друга. Сказать, что я любила его сразу, — значит сказать неправду. Внешне он не выделялся среди других. Напротив, ребята-старшекурсники выглядели более степенно, причестски их делали более привлекательными, девчонкам

НТБ 2/я 1-4149

они нравились больше. Ну а мой кавалер? Мой «лысый»?

Не сразу я поняла, что этот человек если уж станет другом, то на всю жизнь. Но когда поняла... Много было у нас встреч, много разговоров по душам, долго мы приглядывались друг к другу, прежде чем, объяснившись в любви, приняли решение связать навсегда свои жизни и судьбы.

Как он сказал о своей любви? Очень просто. Не искал красивых слов, не мудрил. Но такая безоглядность, такая окрыленность были в его объяснении и признании...

Мы стали встречаться чаще, думать о будущем.

— Любовь с первого взгляда — это прекрасно, — говорил Юра, — но еще прекраснее — любовь до последнего взгляда. А для такой любви мало одного сердечного влечения. Валя, — продолжал он, — давай действовать по пословице «семь раз отмерь, один раз отрежь».

Я понимала, что такое его серьезное отношение к решающему жизненному шагу не имеет ничего общего с осмотрительной расчетливостью. Юре был чужд эгоизм. Он думал обо мне: не пожалею ли я, не спохвачусь ли, когда будет уже поздно пере-думывать?

Юра вообще больше думал о других, чем о себе. Это я поняла еще задолго до того, как мы стали мужем и женой.

Среди наших семейных реликвий есть альбом для фотографий, который я подарила когда-то Юре. Многие журналисты цитировали слова, написанные на его обложке. Слова о том, что кузнецы своего счастья мы сами и что перед судьбою не надо склонять головы. Только почти никто не объяснил, почему появилась такая надпись.

А случилось так: в училище стали поговаривать о продлении срока учебы еще на год. Юра ходил хмурый. Для него этот год значил очень много.

Родителям его жилось тяжело, они едва сводили концы с концами. Но чем им мог помочь Юра, получавший копеечную курсантскую стипендию? Лучше бы, говорил он, после техникума вернуться к родителям в Гжатск, работать там по специальности.

Юру утешали товарищи. Юру утешала и я. Мы убеждали его, что время учебы пролетит быстро, а

там он станет офицером и тогда сможет помогать родителям. Убедили мы его с трудом. Юра очень хотел стать летчиком, но ради близких ему людей он готов был пожертвовать даже любимым делом. Вот тогда появилась надпись на альбоме, который я подарила ему 9 марта — в день его рождения в 1957 году.

Таким он был в большом и малом. Ему предлагали после окончания училища остаться в Оренбурге, быть летчиком-инструктором, а он попросился на Север. Причуда? Нет. Он хотел пройти через трудности, научиться летать в сложных погодных условиях. Север был самым подходящим местом для этого.

Решение правильное, логичное, но для Юры оно не было легким и простым. Ему очень хотелось, чтобы я поехала с ним, а это означало бы, что я не получу диплома фельдшера. Я уже решила для себя, что оставляю медицинское училище и поеду с ним, но он уговорил меня не делать этого.

А как он любил небо!

«Небо... Необъятное, бездонное. Чтобы понять силу его притяжения, его надо увидеть не с земли, а с высоты. Надо забраться повыше и тогда... Тогда оно откроется совсем иным.

Когда я впервые увидел небо с высоты птичьего полета, дрогнуло мое сердце от тоски: как необозрим этот мир, который я еще никогда не видел в своей жизни. И закурилась голова. Так все было неожиданно красиво.

Я понял — это мой путь, я пойду к небу...»

Так он говорил.

Впереди были еще сотни учебных полетов, ночью и днем, в сложных погодных условиях Севера. Предстояло еще обрести свою небесную «походку» и свой «почерк» в воздухе, постигать различные науки, но уже в тот самый первый полет он понял, что выбрал верную дорогу. Авиация стала для него смыслом и содержанием всей жизни.

Юра учился в Оренбурге в то время, когда слово «космос» перестало восприниматься как фантастическое, далекое, когда запустили первый спутник. Он считал витки спутника вокруг Земли, читал статьи в газетах и журналах, спорил с товарищами о том, что же будет дальше. В училище космос стал предметом особых разговоров:

— Раз собачка полетела, то и человек скоро полетит.

— Скоро? Больно ты быстрый. Лет двадцать пройдет. Мы уж и летать перестанем, на пенсию уйдем...

— А при чем тут мы? Первыми полетят ученые.

— Ученые учеными, а управлять надо пилоту...

Говорили о том, что первыми в космос полетят врачи и даже — водолазы-подводники. К единому выводу никогда не приходили. Споры становились еще жарче, а мальчишки выглядели такими фантазирующими знатоками.

Юра тоже спорил, обосновывал свое мнение и даже рисовал космический корабль.

Мечтал ли он тогда о полете на таком корабле? Не знаю. Вслух об этом не говорил. Много позже он скажет: «Да, мечтал. Но тут же гнал эти мысли: ведь в стране найдутся многие тысячи людей, подготовленных к этому лучше, чем я. Стоило ли думать о том, что совершенно нереально для меня, курсанта...»

После года теоретических занятий в классах и учебных полетов на винтовых самолетах курсанты стали летать на реактивных МиГах. И снова восторг:

— Красивый, удобный, стремительный! Отличная машина. Я ощущаю, как растут и крепнут мои крылья...

На Север он уехал один, а точнее, с товарищами по училищу. Расставались мы с ним в Москве, на Казанском вокзале. Мой поезд в Оренбург уходил чуть раньше, и Юра провожал меня.

— Не грусти, Валюша. Я буду очень ждать тебя. Скоро мы снова будем вместе...

А я волновалась: как там ему будет, в краю белых медведей, как устроится, как начнет летать?

Приехала я к нему после окончания учебы. Жить негде. Дом, в котором Юре обещали комнату, еще достраивался. Помогла одна знакомая учительница: она уезжала в отпуск и на это время предложила нам свою комнату. В ней и поселились, радуясь, что свет не без добрых людей.

Что сказать о нашем жилье? Все маленькое, крохотное — комнатка, мебель нехитрая — все на виду и все под руками. С вечера топится печка. За ночь тепло все-таки выдувало, и первым делом Юра отправлялся за дровами. В прихожей и того хуже: дыхни — в воздухе появится белое облачко. Сквозь промороженные окна видны заиндевшие звезды.

Успев продрогнуть за несколько минут, Юра почти бегом возвращался в дом и брался за растопку. В холодной пустоте занимался слабый огонек. Печка сразу оживала, и скоро наша комната папопнялась веселым гудением, постепенно возвращалось тепло.

Юра поудобнее устраивался у печки и начинал листать какую-то книгу, принесенную им с работы. Я садилась рядом с ним и смотрела на пляшущие язычки огня. Казалось, что во всей Вселенной только два живых существа — он и я. За окном — метель, в ледяном мраке видны неясные очертания таких же домов, как и наш. Похоже, думала я, что по такой погоде полетов не будет. Но городок просыпался, оживал, Юра захлопывал книгу и говорил короткое: «Пора».

Мы ждали ребенка. Юре очень хотелось, чтобы родилась девочка. В отпуске мы даже поспорили, какое купить приданое: розовое или голубое. Я хотела мальчишку и уже выбрала, как полагается для мальчика, голубое одеяльце, а Юра стал возражать: «Обождем, чтобы потом не менять». Когда меня положили в родильный дом, он звонил туда по нескольку раз в день. Надоел всем ужасно. Его узнавали по голосу, подшучивали над ним.

Однажды он позвонил очень поздно. Не успел задать свой «стандартный» вопрос, а ему говорят: «Ждете мальчику?» — «Нет, нет, — заторопился Юра, — девочку». — «Тогда поздравляем с исполнением желания: вы отец девочки весом семь с половиной фунтов». Юра стал благодарить. А через некоторое время снова звонок. «А что это такое, семь с половиной фунтов? Много это или мало?» — «Достаточно!» — ответили ему.

Вскоре он появился в роддоме. Возбужденный, счастливый. Хотел прямо в палату пройти, посмотреть на меня и на дочку. Очень огорчился, когда его не пустили. Немного успокоился, узнав, что подарки его и записку мне передадут.

А как он нас встречал! Дома навел образцовый порядок. Все приготовил, все предусмотрел...

С трепетом и величайшей осторожностью купали Леночку первый раз. Юра беспокоился: нормальная ли вода, теплые ли пеленки? Сам пеленал дочку, носил на руках, укачивал, нашепывал тут же придуманные колыбельные песни...

Никогда не забуду жизнь в заполярном далеком гарнизоне. Военная служба отнимала у Юры очень много времени, но и тогда, когда мы были молодоженами, и позже, когда родилась Леночка, он старался выкроить час-другой для меня, для дома, для семьи. Придет, бывало, вечером домой и, какой бы ни был тяжелый день, весело кричит с порога:

— Принимай помощника!

И если не надо наколоть дрова, сбегать за продуктами в магазин или принести воды, сразу направляется к детской кроватке. А только Леночка заснет, Юра за книгу. Читал он обычно вслух. Ему было приятно, когда я смеялась вместе с ним, слушая веселые чеховские рассказы, когда вздыхала, узнавая его и себя в героях «Ночного полета» Антуана де Сент-Экзюпери.

На Севере было время, когда Юра загрустил. Нет, не потому, что суровость этого края, лютые морозы, непроглядная ночная тьма и глубокий снег делали все, чтобы затруднить жизнь тех, кого забросила сюда судьба. Все это Юра воспринимал весело и не терял свойственного ему оптимизма. Удручало другое. Молодежь к полетам не допускали. Летали те, кто был постарше, поопытнее. Молоденьких лейтенантов заставляли заниматься теорией, сдавать зачеты и ждать появления солнца, а вместе с ним и весны.

В марте полярный день стал теснить надоевшую темноту длинной зимней ночи. Еще звенел мороз по почкам, но уже чувствовалась близкая весна. Ребята начали летать. Юру словно подменили. Небо для него — это все.

Там, на Севере, пришла и первая беда. Неожиданная, горькая. Погиб его тезка и друг Юрий Дергунов. Юра сильно переживал эту утрату. Они подружились еще в училище и, когда пришло время распределения, настояли, чтобы их направили в один и тот же авиационный гарнизон — на Север. Их просьбу удовлетворили, и вот... Несколько недель Юра ходил как потерянный, не спал ночами. Я понимала, что ему не помогут ни валерьянка, ни спортивное, и если предлагала лекарства, то лишь для того, чтобы хоть на миг отвлечь его от тяжелых мыслей.

Но отвлечь его могло только небо. Наша авиа-

ционная часть жила полетами. Полеты днем, полеты ночью. Звещающий гул турбин, казалось, не смолкал ни на минуту. Юра уходил рано и возвращался домой лишь к концу дня.

Однажды он пришел озабоченный:

— Вызывают в Москву.

Из командировки Юра возвратился воспрянувший духом.

— Знаешь, Валюша,— сказал он,— мне предлагают новую работу.— И тут же добавил:— Правда, это пока неточно...

О новой работе он ничего не рассказывал, на мои вопросы отвечал односложно, а чаще вообще старался уйти от разговора.

— Зачем говорить, когда нет определенности. Подождем...

Прошел еще месяц. Юру снова вызвали в Москву. А когда он вернулся, стоило ему открыть дверь, как я догадалась по его виду: пора собираться в путь-дорожку дальнюю.

Что же он делал в московской командировке? Что узнал? Что так воодушевило его, окрылило, подняло настроение? Задавать вопросы я не решалась: если можно, расскажет сам. Но незнание рождало тревогу и, конечно, желание хоть немножко быть в курсе его дел и планов.

— Комиссию проходил медицинскую... Такой придиричivosti еще не встречал. Не врачи, а прокуроры. Их приговоры обжалованию не подлежали: годен либо негоден. Но прежде чем скажут тебе это «годен», тысячу раз обмерят, прослушают, выстукают, просветят, потом прокрутят на специальных приборах, проверят вестибулярную устойчивость... Сложная аппаратура в руках терапевтов и невропатологов, ларингологов и хирургов находила даже малейшие изъяны. Браковали со страшной силой... Меня оставили.

Что стояло за этим «оставили», я не знала. А Юра ждал, что его должны вызвать снова, еще на одну комиссию. Дни тянулись для него медленно. Временами он был рассеян, молчалив. Не помню уже, сколько времени прошло после его возвращения, но заметно было, как Юра загрустил. Вызов из Москвы не приходил. Дни складывались в недели, и отчаяние охватило его, как вдруг в штаб пришла

бумага. Он снова уехал и опять не сказал, зачем и что это за новая комиссия. Для меня потянулись недели новых тревог и нового неведения...

Промелькнуло недолгое северное лето, и наступила скоротечная арктическая осень. Солнце день ото дня все ниже склонилось к бугристому горизонту, укорачивая светлое время суток, словно напоминая о том, что очень скоро придет зима, суровая и затяжная, с колючей многодневной пургой и сплошной многомесячной ночью.

Наконец пришел вызов, которого Юра очень ждал. Было это как раз 8 марта. Назавтра уезжать, а у Юры день рождения. 26 лет исполнилось ему.

Собрались мы быстро — нехитрую нашу мебель роздали соседям, а вечером сошлись друзья. Попрощаться.

— Буду летчиком-испытателем, — как бы оправдываясь, говорил Юра товарищам, — налетаюсь вволю!..

Я знала: это его давняя мечта — как можно больше летать. И не только на серийных машинах. Самолеты Юра очень любил. Он не мог равнодушно смотреть на белый след инверсии над головой или на самолет, стремительно чертящий небо. Только упоминание о предстоящем полете уже приводило его в состояние возбуждения.

— Пойду к морю, — сказал он, когда все уже было собрано. — Попрощаюсь с нашими местами. И с Юрой тоже...

На берегу было пустынно. Белая пена прибоя кружевом оплетала волну. Белые птицы с гортанным криком кружились над каменными выступами, садились на воду, снова взлетали, и казалось, этому движению моря, крику птиц и серому небу нет конца.

Юра стоял молчаливый. И даже немножко грустный. Он вообще не любил расставаний.

Потом мы пошли на кладбище, к могиле Юрия Дергунова.

— Не знаю, когда приду к тебе еще, — сказал Юра тихо. Он сломал ветку сосны и положил ее на маленький холмик. — Не знаю, — повторил еще раз, и мы пошли,

ЗОВ КОСМОСА

И вот Москва, маленькая комната в помещении казарменного типа, почти без мебели... По утрам подъезжал автобус и увозил ребят. Мы, жены, знали лишь то, что ехали они в научные учреждения слушать лекции, какие и для чего — мы могли только гадать. Потом нас пригласил к себе генерал Н. П. Каманин и кое-что рассказал о будущей профессии мужей. Постепенно мы стали понимать, что все их занятия, тренировки, прыжки с парашютом, другие упражнения преследуют определенную цель: кто-то из них станет первым человеком, который полетит на ракете.

Только тогда мы поговорили с Юрием откровенно. Оказывается, что ощутил «звон космоса» Юрий еще в 1959 году, в январе, когда стартовала первая лунная ракета. Потом был второй полет к Луне. Когда советская автоматическая станция сфотографировала Луну и передала ее изображение на Землю, он был потрясен. На следующий день после этого сообщения Гагарин подал рапорт с просьбой зачислить его кандидатом в космонавты.

О разном думалось в ту пору. Наблюдая за Юрой, я замечала и раньше, что он к любому — большому и малому — делу относится с интересом и глубоким чувством ответственности. Нынешнее его дело было просто огромным. Теперь-то я понимаю, что в силу своего характера он старался взбодрить меня, отвлечь от размышлений о трудностях. А когда товарищи его по отряду сетовали, что в летных частях все было легче и определеннее, он отвечал уверенным тоном: «Так и должно быть».

Ребята в первом космическом отряде подобрались дружные. Павел Беляев, Владимир Комаров, Павел Попович были заметно старше Юры. Гагарин относился к «молодым». Однако программа подготовки не делала скидки на возраст и жизненный опыт. Все проходили через испытания на центрифуге, в сурдо- и барокамерах, прыгали с парашютом, летали, занимались на специальных стендах и в больших объемах изучали новые для себя науки. Беляеву и Комарову занятия давались легче —

у них за плечами было высшее образование, да и в авиации они прослужили дольше.

Тогда никто не знал, кто полетит первым, кто вторым, кто третьим. Все работали и учились дружно и настойчиво, помогая друг другу. Частенько собирались у нас, и я не помню случая, чтобы кто-нибудь нагрубил товарищу, чтобы кто-то кого-то обидел. А ведь приходилось решать и спорные вопросы, требующие прямого, откровенного и нелицеприятного обсуждения. Однако их споры и «разговоры по душам» никогда не заканчивались разладами или ссорами. Следуя поговорке «дружно не грузно, а врозь — хоть брось», они были строги, но внимательны друг к другу. Дружба и товарищество — вот что определяло их взаимоотношения и на работе и дома.

Юра занимался много. Сейчас не пересчитать, сколько ночей провел он за столом над книгами, конспектами, что-то выписывая, что-то просчитывая... Как-то раз он принес из библиотеки томик Циолковского. Читал увлеченно. Удивлялся: как можно было в начале века предвидеть и описать то, чем они занимались сейчас? Он старался проследить путь развития космонавтики на годы вперед, как и Циолковский. Мечтал, фантазировал. В каждой проблеме он подмечал такие тонкости, о которых в ту пору даже не говорили. Словом, дотошности его можно было только позавидовать.

Он понимал, что на новой работе его ждут не увлекательные путешествия, а тяжелый труд, который потребует напряжения всех его духовных и физических сил. И, отдавая себе в этом отчет, он упорно занимался, хотел иметь прочные знания, быть одним из первых в учебе. Хотел и был им. Он охотно шел, куда бы его ни направили, чтобы найти интересное дело для себя и крайне полезное для всего коллектива, для отряда. Склад его ума таков — всегда и везде делать, так сказать, «ревизию» трудовым процессам, искать в них слабую сторону и придумывать что-то лучшее. Как рациональнее составлять расписание занятий, какие физкультурные упражнения дают большую нагрузку, как планировать время самоподготовки....

На лекциях Юра задавал множество вопросов: что, как, почему? И было это не просто любопыт-

ством, а нетерпеливым желанием как можно скорее и больше узнать о том, что ожидало его в будущем: конструктивные особенности космической техники, условия полета, роль человека на борту космического корабля.

Виталий Севастьянов был среди тех инженеров конструкторского бюро, возглавляемого Сергеем Павловичем Королевым, которые читали в отряде курс по так называемой «материальной части» корабля. Он вспоминает, что по количеству вопросов особенно активными были невысокий, плотно сбитый паренек, русоволосый, с голубыми и очень живыми глазами, светившимися какой-то внутренней улыбкой, и второй — степенный, сдержанный капитан с глубокой задумчивостью в темных глазах. Темноглазый был Володя Комаров, голубоглазый — Юрий.

Временами мне начинало казаться, что служебные дела в Звездном все больше и больше отнимают у меня Юрия. Я старалась делать вид, что не замечаю этого. И все же странная тревога порою овладевала мной, особенно когда он на недели совершенно неожиданно уезжал в командировки. Удивляло и то, что иногда он возвращался с работы рано, в середине дня, но настолько усталый и вымотанный, что тут же валялся на диван и мгновенно засыпал.

Сначала я не понимала, что скрывается за словами, которые слышала в его разговорах с другими ребятами, и очень уж абстрактными казались эти самые «сурдо», «вестибулярный», «шарик»... Но постепенно стало ясно, что все это имеет самое непосредственное отношение к нему, Юре, а стало быть, и ко мне, и к Лене.

Однажды совершенно случайно у него вырвалась фраза:

— Белка и Стрелка слетали неплохо. Скоро кому-то из нас...

Он не продолжал, но я поняла: значит, скоро пошлют человека. На мгновение стало страшно: «Может быть, его, Юру?»

Мне не хотелось спрашивать его об этом. Не знаю почему, но я чувствовала, что и он не расположен к многословным разговорам о том, кто, когда, зачем. У него была работа. Напряженная. Трудная.

И он просто не имел права рассказывать о ней в семье.

Все-таки я не сдержалась и однажды прямо спросила:

— А кто полетит первым? Ты?

Юра сперва отшучивался, а потом очень внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Не знаю. Может быть, и я.

Эта неопределенность меня немного успокоила: «Их двадцать в отряде. Почему именно он?»

На другие вопросы Юра тоже отвечал неопределенно, с шуточками. Меня его тон стал злить. Я никак не могла понять, где шутка, а где правда. Но тревога не прошла. «Не хочет говорить, не надо,— подумала я про себя.— Может быть, все это лишь отдаленные планы».

Первая встреча с «Востоком»...

Это было летом 1960 года. В один из дней Юра возвратился особенно возбужденным. Глаза светятся, улыбка с губ не сходит. Молчит, а я чувствую, что ему не терпится поделиться своей радостью. Спрашиваю спокойным тоном, стараюсь не проявлять навязчивого любопытства:

— Сегодня что-нибудь интересное было или как обычно?

— А у нас все обычное интересно,— отвечает.

Я пожалала плечами: ну ладно, мол, надо ужинать садиться. А он не отходит от меня. И те же огоньки в глазах. И счастье в них, и нетерпение.

— Юра, что с тобой? Что было у вас сегодня?— стараюсь быть строгой.

— Ездили смотреть корабль.

— Какой корабль?

— Космический. Тот самый, на котором полетит кто-то из нас.

Ноги у меня подкосились. Села на краешек стула и чувствую, что озноб начинается.

— Когда полетит?— едва выдавила из себя.

— Наверное, скоро.

— Ты?— спрашиваю.

— Не знаю... Об этом потом. Ты послушай, что я тебе расскажу. Мы были в конструкторском бюро, у Сергея Павловича Королева. Познакомились

с производством. Оно идет полным ходом. А корабль — это не корабль, а шарик. Правда, большой... Главный конструктор с каждым за руку здоровался, знакомил со своими помощниками. Их много... Нас назвал испытателями новой продукции, рассказывал о развитии ракетной техники, о том, как к планетам полетим... Потом прервался и говорит: «Ну ладно, вернемся с неба на землю. Пока все будет очень скромно: полетит только один человек, и только на трехсоткилометровую орбиту, и только с первой космической скоростью, то есть всего лишь в восемь раз быстрее пули. Зато полетит кто-то из вас». Мы слушаем и молчим. А он обвел взглядом всех и сказал: «Первым может стать любой...»

Я уронила ложку из рук.

— Не темни,— говорю.— Признайся, что напросился.

— Нет.— Он говорил уже спокойно.— Когда спросили, кто хочет заглянуть внутрь и посидеть в кабине, я попросил: «Разрешите мне». Вот и все.

— Разрешили?

— Разрешили. Всем разрешили...

И все-таки он полез в корабль первым. Замешкался всего на одну секунду у самого люка. Бросил взгляд на свои ботинки и остановился. Быстренько снял их и в носках юркнул в люк. Там по-хозяйски огляделся, все осмотрел, все ощупал. Вылез и заключил:

— Нормально.

Я не знаю, когда был решен вопрос о кандидатуре первого космонавта и решался ли он единожды. Думаю, что вначале были лишь предположения, которые обсуждались. Думаю, что и критериев отбора было не один и не два — больше. Но уже потом, спустя годы, я узнала, что в тот самый день, который так взволновал Юру, в тот самый час, когда он произнес свое «Разрешите?», Сергей Павлович Королев подтолкнул локтем одного из своих помощников и сказал:

— Вот этот, пожалуй, пойдет первым в полет...

Когда размеренное течение обыденной жизни нарушается и приходят минуты больших испытаний, до предела насыщенные событиями, переживаниями, человеку вдруг приоткрывается то, что люди называют смыслом жизни. И главное — он узнает

цену себе и другим. Настоящую цену. Так было, когда отобрали группу для непосредственной подготовки к полету. В нее включили и Юру.

Еще в училище летчиков, и потом в полку, и здесь, в Звездном, он старался хорошо подготовиться к предстоящей дороге, где может сгодиться все, чему их учили на всех этапах: и высшая математика, и астрономия, и небесная механика, и многое другое.

То был сложный для Юрия период. Сказывалось напряжение, физическое и умственное, а «второе дыхание» еще не наступило. И ведь знал, что будет нелегко, и, делая выбор, не утратился трудностей, но поди ж ты: стоило ему подумать, что его признают негодным для первого старта, и колотилось сердце. И сомнения рождали грусть. Но Юра не поддавался этим настроениям и не расслаблялся.

В маленьком подмосковном городке продолжалась своя жизнь. Осень уступила права зиме, снежной и прохладной, но совсем не похожей на ту, к которой мы привыкли на Севере. Юра был очень доволен, что в поликлинике Звездного нашлась работа для меня. По утрам мы выходили из дому втроем. Отводили Леночку в ясли и шли каждый к себе на службу.

Юра приходил домой поздно, часто уезжал в командировки. О своих делах он по-прежнему не очень-то распространялся, а если я проявляла любопытство, отшучивался. Так и прошла зима: в работе, в тренировках, в домашних заботах.

Из командировок Юра писал не реже чем раз в неделю. Я нет-нет да и перечитываю его давние письма, в которых что ни строка, то напоминание о Юриной заботливости. «Если тебе нравится платье, купи его. Вернусь домой — рассчитаюсь с долгом...» «Больше учи Лену быть самостоятельной». «К одному из наших товарищей приехала жена. Я с Лешей Леоновым ездил на их встречу. А вообще-то лучше бы не ездил. Только расстроился, завидуя. Ну ничего, наша встреча будет лучшей, правда?» И под каждым письмом неизменное: «Ваш папа и Юра».

Все шло своим чередом. Он больше бывал на работе и меньше дома. В свободное время мы ходили гулять в лесопарк или смотреть кино, пристроив Лену к кому-нибудь из знакомых или соседей. Вече-

рами Юра нянчил дочку, иногда, взяв спортивный чемоданчик, ходил на баскетбол. Был он спокойный, ровный, веселый. Как и прежде, предпочитал книги телевизору. По праздникам любил принимать гостей. Слушая веселые истории, смеялся звонко и заразительно. Ребята тянулись к нему и добродушно звали Гагарой.

Однажды (не помню сейчас, какой это был день и по какому поводу собрались у нас Юрины товарищи по работе) я невольно стала свидетелем вот такого разговора:

— Теперь уже скоро... Пойдет, наверно, Юра. А может, Гера или кто другой...

Это говорил один из ребят, кажется, Борис Волынов. Отвечал Юра:

— Ну и что же? Кого пошлют, тот и полетит...

Дрогнуло мое сердце. Молнией сверкнула мысль: «Что-то уж очень спокойно он об этом говорит. Наверное, уже все решено».

Нет, я больше не спрашивала его ни о чем. С работы он все чаще приходил, когда мы с Леночкой уже спали. Он тихонько открывал дверь, бесшумно раздевался, умывался холодной водой, с нежностью прислушивался к посапыванию дочурки, поправлял одеяльце и садился за учебники. Он готовился к государственным экзаменам. Я не мешала ему. В последнее время я заметно уставала: ждала второго ребенка. Лежала тихо и слушала, как шуршат страницы его конспектов...

Ночью он подходил к холодильнику, доставал что-нибудь поесть, закручивал на кухне кран, из которого капала вода и который он все время собирался починить, но... В то время его мысли были заняты другим.

Пришла весна 1961 года. 7 марта родилась Галя. В родильный дом меня отвез Юра, а возвращалась я с дочкой без него. Меня встретили Анна Тимофеевна и Светлана Леонова. Юра снова был командировке. А когда прилетел, весь так и свесился от радости.

— Весна, и имя дадим ей весеннее — Галчонок, — говорил Юра. — Согласны?

Он таскал ее на руках и напевал:

Галя, Галинка,
Милая картинка...

Я догадалась, что радует его не только встреча с нами, но и нечто другое.

В конце марта 1961 года Юра улетел в командировку. Куда — не сказал. Объяснил только, что будет отсутствовать недолго — день или два. 25 числа я услышала по радио, что состоялся запуск пятого корабля-спутника с собачкой по имени Звездочка. Подумала: наверное, он там.

Слово «космодром» я воспринимала как нечто абстрактное: что там и как, представить не могла. Не знала я тогда, что этим контрольным пуском подготовка к полету первого космонавта была практически закончена.

Юра вернулся возбужденным. Настроение у него было приподнятое. Но на вопросы мои он старался не отвечать. Все переводил разговор на другое, отшучивался. И только спустя полгода я узнала всю правду о том дне. Узнала от него.

— Целый день я ходил под впечатлением удивленного, — говорил Юрий. — Корабль уже успел облететь вокруг планеты и вернуться в заданный район. Уже специалисты — биологи и медики — хлопотали над Звездочкой, великолепно перенесшей полет. А я все раздумывал над тем, что произошло на моих глазах и скоро, теперь уже совсем скоро, должно было произойти со мной. В моих ушах все еще оставался услышанный на старте грохот, перед глазами все еще вздымались высокие волны пламени, в котором взлетала в небо ракета. Но это не пугало меня, а восхищало...

В Звездном городке работа шла своим чередом, но чувствовалось, что все живут в ожидании чего-то большого, важного, значительного. Чего? Об этом не говорили. Юра томился каким-то нетерпением, никогда, казалось, ожидание не было для него так тягостно. Пробовал читать и откладывал книгу. Что-то писал в уединении. И только забавы с Леной и Галей отвлекали его от дум. С ними он становился веселым, шутил, придумывал разные игры... Несмотря на напряжение, в котором Юра находился все последние дни, он был собран, контролировал себя.

Накануне отъезда на космодром в отряде состоялось партийное собрание. Напутствовали тех, кто должен был утром следующего дня лететь на Бай-

конур. Все, кто был на этом собрании, предполагали, что в первый полет назначат Гагарина. Но тогда это было лишь предположение.

После собрания к Юре подошли Андриян Николаев и Герман Титов: «Лететь тебе. Держись. Надеемся, что ты останешься самым собой, таким же, каким знают тебя все».

Я не присутствовала при этом разговоре, но много позже узнала, что Юра сдержанно принял это сообщение, возможно, потому, что окончательного решения еще не было. Но от ответа не ушел. Он обнял товарищей за плечи и сказал:

— Ну что вы, ребята? Вот вам мое сердце. Оно всегда останется таким же...

Неожиданно, очень неожиданно пришел тот последний вечер. Он должен был прийти. Юра ждал его. Ждала его и я.

Тот вечер... Мы пораньше уложили спать девочек и после ужина долго разговаривали. О чем? Обо всем, но только не о полете. Вспоминали. Строили планы. Говорили о наших девочках. Я понимала, точнее, чувствовала, куда и зачем он едет, но не спрашивала его. Он шутил, болтал о разном, но тоже сознавал всю нелепость этих «прятков». Ему трудно было скрывать свою непосредственную причастность к надвигающимся событиям.

Странное дело, когда решалась его судьба о переводе в Звездный, о включении в отряд так называемых «испытателей», он волновался и переживал больше. А тут был спокоен, хотя и немножко рассеян.

— Береги девочек, Валюша,— сказал он тихо и вдруг как-то очень ласково посмотрел на меня.

Я поняла: все уже решено. Ком подступил к горлу. Казалось, не смогу сдержаться и расплачусь. Но я сдержалась. Даже улыбнулась, хотя улыбка получилась, наверное, очень грустной. Юра это уловил и быстро перевел разговор на другую тему.

Был вечер, потом ночь, а мы все говорили, говорили и не могли наговориться.

Не помню, звонил ли будильник или Юра встал без него. Утром он еще раз осмотрел свои вещи — не забыл ли чего? — щелкнул замком своего маленького чемоданчика. В соседней комнате проснулась и заплакала Галка. Юра закрыл наш семейный аль-

бом с фотографиями и пошел к детям. Он осторожно и нежно перепеленал дочурку — крохотное существо с маленьким вздернутым носиком, — и Галка опять безмятежно заснула. Я подумала: «А ведь неплохо у него получается. Научился. Когда родилась Леночка, он долго не решался взять ее на руки. Боялся уронить. Теперь осмелел».

Мои мысли прервал сигнал машины, которая остановилась под окном. Пора! Сердце сжалось в комочек и вдруг забилось сильно-сильно. Стало даже больно. Скрыть волнения я уже не могла. Это было выше моих сил.

Он отвернулся, подошел к окну и стал смотреть во двор. За окном было холодно. Он смотрел, растерянно щурил глаза, невпопад переставлял на окне цветы и молчал. Потом стал говорить о погоде, о планах на лето, о каких-то покупках.

И вдруг обернулся и посмотрел на меня так, будто не понимал, о чем я тревожусь. И что я могу понять — вот так быстро — в сложном мире его дел и забот. Одно он знает точно — он делает верный шаг, осознанный, мысленно проделанный многократно. Тот самый шаг, которого он ждал всю жизнь и к которому так долго готовился.

В комнате было тихо. Очень тихо. Дети спали. Пахло теплым молоком и глаженными пеленками. А за окном падал мокрый снег...

Это был обычный день. Такой обычный, что я его начала почти не помнить. Так, отдельные какие-то мелочи... Вспоминаю только, что проснулся он раньше, чем всегда, ушел на кухню, поставил чайник, что-то делал. Старался греметь потише, чтобы не разбудить нас. Но я и так не спала, мешало какое-то тревожное предчувствие.

Юра нежно поцеловал девочек. Крепко обнял меня. На столе лежала вынутая из альбома фотография «северного периода» с надписью: «Моей дорогой, моей родной Валечке от крепко любящего Юры. Пусть эта фотография в дни разлуки чаще напоминает обо мне и заменит меня. Пусть она хоть немного поможет тебе в трудную минуту».

Снова загудела машина. Я вдруг почувствовала какую-то слабость и торопливо заговорила:

— Пожалуйста, будь внимателен, не горячись, помни о нас...

И еще что-то несвязное, что сейчас трудно вспомнить.

Юра успокаивал:

— Все будет хорошо, не волнуйся...

И тут меня словно обожгло. Не знаю, как это получилось, но я спросила о том, о чем, наверное, не должна была спрашивать:

— Кто?

— Может быть, я, а может быть, и кто-нибудь другой...

— Когда?

Он на секунду задержался с ответом. Всего на одну секунду:

— Четырнадцатого.

Уже потом я поняла, что он назвал это число только для того, чтобы я не волновалась и не ждала в канун действительной даты.

Юра шагнул к двери и остановился. На меня смотрели его чистые-чистые глаза. Смотрели очень ласково, очень тепло. В них не было ни смятения, ни сомнений.

ПОЧЕМУ ИМЕННО ОН?..

...Как-то дети меня спросили: «Мама, почему именно наш папа первым полетел в космос?» Вопрос естественный. Почему он, а не другой, когда их была целая группа, подготовленных, тренированных? Были и одинокие, а он женат, двое маленьких детей, мало ли что может случиться...

— Не знаю, девочки,— ответила им.— Наверное, так было надо.

Ответила и подумала: «А ведь я так ничего и не сказала им и вопрос остался без ответа не только для них, но и для меня и, наверное, для других. В самом деле, почему именно он?»

Хронику тех нескольких дней можно найти в воспоминаниях Н. П. Каманина, Е. А. Карпова, журналистов, космонавтов. Я привожу здесь короткие выдержки из воспоминаний, чтобы в какой-то мере ответить на вопрос, который, на мой взгляд, так и остался открытым до сих пор. «Почему именно Гагарин стал космонавтом-1?»

Почему?

Несколько записей из дневника генерала Н. П. Каманина:

«Во второй половине дня — после занятий — космонавты играли в волейбол, играли с увлечением все. Они еще не знали, кто из них полетит. А меня неотступно преследовала одна и та же мысль: кто же — Гагарин или Титов?»

...Затем (это было 8 апреля.— *В. Г.*) было рассмотрено полетное задание космонавту. В нем указывалось, что космический корабль сделает всего один виток вокруг Земли, но оговаривалось, что возможны изменения условия полета. Задание подписали С. П. Королев, М. В. Келдыш и другие члены Государственной комиссии...

Весь день я наблюдал за Гагариным. Спокойствие, уверенность, хорошие знания — вот самое характерное из того, на что я обратил внимание.

...Ездили на стартовую площадку. Занятия продолжались три часа. Отрабатывали действия космонавта при ручном спуске.

Один из кандидатов в космонавты, будто невзначай, обронил фразу:

— Трата времени... Автоматика сработает как часы.

Это насторожило меня. Попросил высказаться Гагарина.

— Автоматика не подведет, — сказал Гагарин, — но если я буду уверен, что в случае аварии смогу приземлиться сам, с помощью ручного управления, то веры в благополучный исход полета у меня прибавится вдесятеро. А лететь надо только с безграничной верой в успех.

Так что же? И Гагарин и Титов ручной спуск знают отлично».

К этому времени сложилось общее мнение — назначить командиром первого пилотируемого корабля старшего лейтенанта Гагарина Юрия Алексеевича.

«...В конце дня (это было 9 апреля.— *В. Г.*) я решил, что не стоит томить ребят, что надо объявить им мнение членов комиссии. По этому поводу, кстати сказать, было немало разногласий. Одни предлагали объявить решение перед самым стартом, другие же считали, что сделать это надо заранее,

чтобы космонавты успели свыкнуться с мыслью о предстоящем полете. Во всяком случае, я пригласил Гагарина с Титовым к себе и сообщил им, что в первый полет пойдет Юрий, а запасным будет Герман».

Следующее заседание Государственной комиссии было назначено на утро 10 апреля. Накануне для Гагарина была тревожная ночь. Каманин сообщил предварительное решение. Окончательно все должно было решаться завтра. «А если действительно я?» — мучили Юрия сомнения. «Готов, полечу, все сделаю», — отвечал он сам себе. Он предполагал, что после того, как решат, что лететь ему, он должен что-то сказать. Обязательно. О своем отношении к полету и этому решению; поблагодарить, заверить... Мысли пугались. Решил написать то главное, что надо сказать. Бумаги не было. Под руку попался кусок миллиметровки. Взял его, аккуратно оторвал маленький прямоугольник.

Этот листок хранится у меня и сейчас. На нем такие слова:

«Товарищ председатель, товарищи члены Государственной комиссии, я сердечно благодарю вас за оказанное мне доверие — лететь первым в космос! Очень трудно передать словами те чувства, которые вызвало во мне это решение. Я рад, горд, счастлив, как любой советский человек, если бы ему Родина доверила совершить такой беспримерный по своему историческому значению подвиг.

Я, простой советский человек, коммунист, благодарен Советскому правительству, решившему послать меня первым. Считаю себя полностью подготовленным к предстоящему полету. Технику изучил и знаю хорошо. В ее работе полностью уверен. Теоретически также считаю себя полностью подготовленным к предстоящему полету. Здоровье хорошее. В успешном исходе полета не сомневаюсь.

Разрешите мне заверить Советское правительство, нашу Коммунистическую партию, советский народ в том, что я с честью выполню это задание, проложу первый путь в космос, если встретятся трудности, то преодолю их, как преодолевают коммунисты».

Один из соратников С. П. Королева рассказывал впоследствии:

— Было очень любопытно наблюдать за Гагариным со стороны. Чувствовалось, как радостно он настроен, как приятно ему, что он летит первым. Но это не мешало Гагарину быть серьезным, спокойным, сосредоточенным.

Ответ на вопрос «Почему?» дают и воспоминания Евгения Анатольевича Карпова, который хорошо знал Юру и был свидетелем всего происходящего и в Звездном, и на Байконуре весной 1961 года.

«...Уверенность в успехе предстоящего полета и в человеке, которому поручалось его выполнение, все-таки перемежалась с некоторым беспокойством. Все может быть в столь неизведанном деле. Однако Гагарин не из тех, кто в трудный момент утратит самообладание.

У него зоркий глаз, природное любопытство — значит, он заметит все и даже мелочь, которую другие могут пропустить...

Итак, Государственная комиссия вынесла решение — первым полетит в космос Гагарин... Мне довелось быть свидетелем незабываемой сцены, когда избраннику объявили это решение. Десятки глаз были устремлены на него. Его лицо озарила счастливая улыбка. Юрий глотнул воздух, задыхаясь от прилива чувств. Веки его задрожали. Он не стеснялся этой чувствительности. В такую минуту никто не осудит его за это. Все понимали: человек переживает наивысший душевный восторг. На лицах присутствующих появились улыбки, теплые, счастливые. Казалось, что вот сейчас кто-то из находившихся здесь седовласых ученых, конструкторов, врачей, инженеров, генералов и офицеров не сдержит чувств, подойдет к Гагарину, обнимет молодого космонавта и по-отечески напутственно скажет: «Лети, сынок. Благословляем». Сдерживало всех одно: никому не хотелось показаться сентиментальным. Гагарин твердым голосом отчеканил:

— Спасибо за большое доверие. Задание будет выполнено.

Да, Гагарин знал, на что идет. Впереди неизвестность. Он шел без малейшего внутреннего колебания...»

Рассказывают, что за день до старта Королев

и Гагарин поднимались на ракету, долго стояли там, беседовали. «И старт и полет не будет легким. Вам, Юра, предстоит испытать и перегрузки, и невесомость, и, возможно, что-то еще нам неизвестное. Вы знаете. Об этом мы много раз говорили, и тем не менее я хочу еще раз напомнить вам, что в завтрашнем полете есть, конечно, большой риск. И это для вас тоже не новость... Все может быть, Юра. Но помни (здесь Королев перешел на «ты») одно — все силы нашего разума будут отданы немедленно тебе».

Дальнейшие события разворачивались так.

Каманин пригласил Юру, чтобы уточнить расписание дня на завтра, 12 апреля. Проснуться он должен был в 5.30. Старт планировался на 9.05—9.10. Все, что попадало в этот временной промежуток, было расписано по минутам. Подъем, физзарядка, туалет, завтрак, медицинский контроль, надевание скафандра, проверка его, отъезд на стартовую площадку, посадка в корабль, проверка бортовых систем...

— Знаете, Николай Петрович,— обратился Юрий к Каманину, — я, наверное, не совсем нормальный человек.

— Почему?— спросил генерал.

— Очень просто. Завтра полет! Такой полет! А я совсем не волнуюсь. Ну ни капельки не волнуюсь. Разве так можно?

Николай Петрович улыбнулся, обнял Юрия за плечи и сказал: «Это отлично, Юра! Рад за тебя. Желаю спокойной ночи».

Он спал эту свою предкосмическую ночь. Спал спокойно. И мы в Москве тоже не тревожились. Мы ждали четырнадцатого числа. Но многие не спали. Очень многие. И Карпов, и Каманин, и Королев, и другие ответственные за полет. Всю эту ночь на стартовом комплексе работали люди. Много людей...

Для него все проходило по графику: с 5.30 и до старта. В 6 часов состоялось еще одно заседание Государственной комиссии. Очень короткое. В это время Юрий был, как говорят, на надевании скафандра.

Позвонил Королев, поинтересовался, как идут дела, сказал, что сейчас зайдет сам.

Уже потом, после полета, на отдыхе в Сочи,

Сергей Павлович обронит фразу: «В решительные минуты жизнь находит наилучшего исполнителя своих замыслов» — и расскажет мне вот такую историю:

— В своей жизни я повидал немало интереснейших людей. Гагарин — особо замечательная, неповторимая личность. В дни подготовки к старту, когда у всех хватало и забот, и тревог, и волнений, он один, казалось, оставался спокойным, даже веселым. Сиял как солнышко... «Что ты все улыбаешься?» — спросил я его. «Не знаю. Видимо, несерьезный человек». А я подумал: побольше бы на нашей земле таких «несерьезных» людей... Один случай меня особенно изумил. В то утро, перед полетом, когда Юрий одевался в свои космические доспехи, я заглянул в «костюмерную» и спросил: «Как настроение?» — «Отличное, — ответил он и, как обычно, с ласковой улыбкой произнес: — А у вас?» Он пристально вглядывался в мое сероватое, уставшее лицо — не спал я ночь перед стартом, — и его улыбка разом погасла. «Сергей Павлович, вы не беспокоитесь, все будет хорошо», — сказал он тихо, но как-то «по-свойски».

Я чувствую всю неловкость своего положения, утверждая, что Юрий был лучше других готов к выполнению миссии столь же трудной, сколь и почетной. Но я лишь повторяю сказанное другими. Сергей Павлович Королев говорил, что в Юре «счастливо сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие».

Профессор К. Д. Бушуев, работавший многие годы с главным конструктором, так рассказывал о тех апрельских днях более чем двадцатилетней давности:

— Когда выбор был сделан, я поймал себя на мысли, что Юрий Алексеевич еще задолго до возникновения планов разработки «Востока» словно был судьбой предназначен для первого космического полета, настолько он всем своим обликом соответствовал представлению о том, каким должен быть советский космонавт. Хотя несомненно, что и Титов, и другие будущие космонавты сумели бы столь же успешно совершить этот исторический полет.

В дни непосредственной подготовки корабля к полету как-то мало оставалось времени на раздумья

о величии события, к которому мы приближались. И только в день пуска стало нарастать тревожное напряжение, особенно в последние часы, когда только члены стартовой команды еще не прекратили своей работы. Тревога не вызывалась какими-либо сомнениями в технике: корабль готовился долго и тщательно, и за это время у нас, участников разработки и подготовки корабля, укрепились вера в благополучный исход дела. Было глубокое убеждение, что Юрий Алексеевич сумеет сделать все, на что способен человек, чтобы выполнить возложенную на него задачу. И все-таки полет был «прыжком в неизвестное». Нервное напряжение охватило всех, никто не старался скрыть его, оно дошло до апогея к моменту команды «Ключ на старт!».

Да, до той весны 1964-го подобное происходило лишь в научно-фантастических романах.

Итак, космонавтом-1 выбрали его. Только сейчас я начинаю понимать, какое это было для него счастье, какая радость. Ведь он жил полетом еще долго до того, как пришла эта весна. Он жил полетом, наверное, с того самого момента, как осознал смысл той работы, которая проводилась в Звездном городке, и в конструкторском бюро С. П. Королева, и в других смежных организациях.

Да, там, на Байконуре, Государственная комиссия утвердила пилотом «Востока» Юрия Гагарина. Его товарищи по отряду, инструкторы и методисты Звездного утверждают, что никакой случайности здесь не было.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

12 апреля. О том, что было в этот день на Байконуре, я знаю со слов Павла Поповича.

«...Бездонное синее казахстанское небо, ласкающие лучи солнца, весенняя теплынь сами по себе уже создавали какую-то праздничную атмосферу, которая во сто крат усиливалась сознанием того, что мы все присутствуем при знаменательном событии.

Некаястый автобус, лишь по названию родственник современному, привез Юрия Гагарина на стартовую площадку. Он официально доложил пред-

сдателю Государственной комиссии о готовности к полету. И сразу перешел в круг друзей. Все ему жали руки, желали успеха. Я, помню, похлопал его по плечу.

— Держись, Юра. Мы рядом!

Он улыбнулся. Юрий знал, что я буду поддерживать с ним связь по радио. Мне, как секретарю парторганизации и «старшине» нашего отряда, доверили это важное дело.

В лифте, который тогда еще ездил не вертикально, как сейчас, а по наклонному канату, Гагарин поднялся к вершине ракеты и оттуда, с верхней площадки фермы обслуживания, еще раз помахал нам всем на прощание.

Мы остались внизу у подножия ракеты. «Переговорная» точка была здесь же, на простенькой тумбочке. Только примерно за полчаса до старта мы спустились в бункер и поддерживали связь оттуда. Чуть позднее, объехав старт на машине, пришел к нам и Сергей Павлович Королев.

В тот день он очень волновался. Это было заметно по тому, что он иногда забывал нажимать кнопку радиопереговорного устройства, которая как бы выпускала его слова в эфир. Приходилось ему напоминать: нажмите кнопку, а то Юра вас не слышит.

— Юрий Алексеевич, я хочу вам просто напомнить, что после минутной готовности пройдет минуток шесть, прежде чем начнется полет. Так что не волнуйтесь.

— Вас понял. Совершенно спокоен.

Королев все время успокаивал Гагарина. Мы видели, что его рука с микрофоном невольно ходила от волнения, но он мобилизовал всю свою волю, чтобы это не прорвалось в эфир и голос не выдал его.

Сергей Павлович прекрасно осознавал, какая громадная ответственность лежит на нем. Расчеты расчетами, но ведь техника сложнейшая. И человек впервые летит на ракете.

Рядом со мной стоял особый красный телефон. Это была прямая связь с двумя товарищами, каждый из которых должен был при необходимости нажать на кнопку в случае какой-то аварии. Причем для уверенности в том, что команда не случайная,

кнопку должны были нажать оба. И тогда Гагарин катапультировался бы.

— Папа,— сказал мне Королев,— ты меня к этому телефону не подпускай.

И вот я замечаю, что чем меньше времени до старта, тем ближе Сергей Павлович жметя к этому телефону.

— Не волнуйтесь, Сергей Павлович, все будет нормально. А к телефону не надо подходить. Сами же просили.

Все мы, космонавты, относились к Королеву с громадным уважением и любовью. Он для нас был не только непререкаемым авторитетом, но и человеком, прекрасно понимавшим нас, молодых в общем-то людей, хотя и увлеченных романтикой нового дела, но еще только начинавших по-настоящему знакомиться с космической техникой...

Юра, по-моему, переживал гораздо меньше. Он был самим собой — веселым, улыбчивым, все время поддерживал в нас спокойствие.

— Юра, как дела? — спросил его, когда в первый раз вышел на связь.

— Как учили,— ответил он со смехом.

— Ну, добро, добро, давай. Ты понял, кто с тобой говорит?

— Понял, «Ландыш», — опять засмеялся он.

«Ландыши» тогда была популярная лирическая песня. Мы переделали ее на свой шуточный лад и с удовольствием пели в кругу космонавтов. И вот он в такой момент, вспомнив про эту шуточную песенку, сразу напомнил нам, что в космос летит не какая-то там историческая личность, а наш друг и товарищ.

И вот, «Поехали!». То самое будничное и знаменитое теперь русское «Поехали!», которое вскоре облетело весь мир».

...Апрель был теплым. Над бурями соснами низко, почти цепляясь за их лохматые шапки, плыли облака. Отяжелевшие, серые. Сыпалась мелкая морось. Я смотрела в помутневшее стекло окна:

— Как там у них? Что делает Юра?

Изморось скоро прекратилась, и начали падать редкие снежинки. Они то медленно кружились, то

летели над землей косым пунктиром, то вдруг взмывали ввысь.

— Мама,— позвала спящая Лена и, повернувшись на другой бок, тихонько засопела. Галка уснула поздно и потому спала крепко.

Снег скоро кончился. Небо вызвездило. Стало тихо. Только самолет, идущий на посадку, гудел своими моторами.

«А он полетит на ракете,— мелькнула мысль,— на ракете...»

12 апреля началось как обычно. Лену отправила утром в ясли, занялась Галочкой. Потом пришла Светлана Леонова. Она ждала ребенка и ко мне, «двудетной» матери, приходила перенимать опыт.

Неожиданно стук в дверь. Открываю — соседка. Раскраснелась, захлебывается словами:

— Валюша, включай радио! Юра в космосе!

У меня голова пошла кругом: смотрю на соседку — и никак не могу вспомнить ее имени, метнулась к приемнику — и не могу вспомнить, как его включают.

А потом началось в нашей квартире невообразимое, неопишемое. Прибежал Володя Комаров, нагрянули друзья, сослуживцы, соседи. Спрашивают, советуют, поздравляют. Сразу же приехали журналисты. Первым, помню, Василий Песков.

Поминутно открывалась дверь, входили какие-то люди, что-то говорили, жали мне руку. Не помню, что я им отвечала.

Голос диктора сообщал:

— Полет продолжается. Пилот-космонавт Юрий Гагарин чувствует себя хорошо.

Я крутила ручку приемника, чтобы увеличить громкость, но вместо этого сбивала настройку, снова крутила, утирала ладонью слезы и чувствовала, как сердце сжалось.

— Полет продолжается...

Хватаю тетрадку, карандаш, пытаюсь хоть что-то записать. Рука не слушается. Карандаш падает на стол. А люди что-то говорят, говорят...

Прошло двадцать лет. Уже двадцать! А в нашей семье этот апрельский день каждую весну воспринимается так, как будто все было лишь год назад.

Признаюсь, не сразу я поняла, что же сделал наш Юра, наш папа в тот день, 12 апреля. «Впер-

вые в мире»,— писали в газетах. «Впервые в мире»,— говорили по радио. И всюду называли его имя.

Впервые в мире... Стоит вдуматься в эти слова. Не всегда встреча с неведомым кончается благополучно для первопроходцев. Как бы тщательно ни готовились люди к сложному и опасному опыту, ему сопутствует риск, на который всегда идут «впередсмотрящие». Многие было неизвестно. Конструкторы и ученые не скрывали от него трудностей. Да и сам он понимал их. «Но кто-то же должен начать» — это его слова.

Писать с пафосом о собственном муже вроде бы неудобно. А все же расскажу. Партия, Государственная комиссия остановили выбор на Гагарине.

«Для первого полета,— говорил Е. А. Карпов,— нужен был человек, в характере которого переплеталось бы как можно больше положительных качеств. И тут были приняты во внимание такие неоспоримые гагаринские достоинства:

Беззаветный патриотизм.

Непреклонная вера в успех полета.

Отличное здоровье.

Неистощимый оптимизм.

Гибкость ума и любознательность.

Смелость и решительность.

Аккуратность.

Трудолюбие.

Выдержка.

Простота.

Скромность.

Большая человеческая теплота и внимательность к окружающим людям.

Таким он был до полета. Таким он встретил свою заслуженную славу. Таким он остался до конца».

...Я вновь увидела его четырнадцатого апреля.

Как мы встретились? Что он говорил? Каким он был в тот день? Не помню. Все в тумане.

Я видела его со стороны: когда он спускался по трапу самолета, шел по ковровой дорожке, докладывал правительству. Он все время был в окружении людей, возбужденный, счастливый.

Да, тот день был ослепительно радостным: встреча во Внукове, Красная площадь, Кремль. День промелькнул как одно мгновение. Вечером, когда мы на-

конец остались вдвоем, Юра, помню, подошел к зеркалу, окинул себя быстрым взглядом, дотронулся пальцем до Золотой Звездочки и смущенно сказал:

— Понимаешь, Валюша, я даже не предполагал, что будет такая встреча, ну слетаю, ну вернусь... А чтобы вот так... не думал.

Дома, вглядываясь в его лицо, я старалась увидеть следы пережитого, следы, которые иногда говорят больше, чем может сказать сам человек. Но на лице Юрия, разве только немного обветренном и потемневшем от солнца Байконура, таких следов не было. Я думала: вот человек, который жил обычной и в чем-то размеренной жизнью, ходил на аэродром, возвращался домой, растил детей и, если выпадало свободное время, уезжал на рыбалку.

И уже потом, когда все сбылось и успело отодвинуться в прошлое, когда самый первый, а потому, наверное, и самый трудный космический маршрут был пройден, Юрий вдруг как-то остро почувствовал, что ему будет очень не хватать этого делового напряжения, постоянной готовности к чему-то очень важному.

Награды, которых удостоили его, коммуниста, многие государства, были данью его подвигу. Ведь подвиг века — он и подвиг будущих веков. Океан Вселенной хранит столько тайн и загадок, что разгадывать их будут многие поколения людей. Но того, кто стал первым, постоянно удручало чувство какой-то несправедливости: не слишком ли много славы и почета досталось ему одному за содеянное многими?

РАБОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Каким он стал потом, после полета? Для меня — остался таким же, каким и был: добрым, чутким, непоседливым, веселым, обязательным. Именно обязательным. Не знаю почему, но от знакомых и близких, от сослуживцев и однокашников, от товарищей детства и даже совершенно незнакомых людей ему часто приходилось слышать не то напутствие, не то пожелание: «Не зазнайся! Не поддайся славе!»

Вначале он воспринимал это с улыбкой, просто-душно и спокойно. Потом стал недоумевать: «Поче-

му слава и зазнайство обязательно должны идти рядом? Иль уж так свойственно зазнайство всем людям, которых слава коснулась своим крылом?»

У меня есть право судить об этом человеке. Поверьте, я очень много наблюдала его со стороны, во время общения с друзьями, на приемах правительственного ранга и за маленьким столом в сельской избенке, во время вручения наград и душевных бесед с самыми простыми людьми. Всюду, где бы он ни бывал, он старательно контролировал свои слова и поступки. Он не допускал и мысли, чтобы кто-то всерьез мог упрекнуть его в зазнайстве.

Для всех, кто знал Юру до полета, он оставался прежним. А для тех, кто с ним впервые познакомился после 12 апреля 1961 года, он был точно таким, каким предстал перед всем миром в тот весенний апрельский день в первых газетных корреспонденциях, первых передачах по телевидению, на пресс-конференциях и в выступлениях, которых с каждым днем становилось все больше.

Поездки по стране, поездки за рубеж... Мне не всегда удавалось сопровождать его в этих путешествиях: оставить Лену и Галю на долгий срок было нельзя. Вот и ждали нашего папу, следили за его маршрутами по газетам. В дни одиночества я часто размышляла о его полете: что же все-таки чувствовал он там, на орбите?

Полет проигрывался на земле, и не один раз, поэтому Юра знал, что он должен делать в тот или иной момент времени. Но тренировки в то время лишь условно воссоздавали этапы космического рейса.

— Все узнаваемо, и все поражает новизной, — говорил он, возвращаясь в памяти к тем 108 минутам свидания с неизвестностью. — Были вибрации, парастала перегрузка, неожиданно, как-то вдруг подкралась невесомость. В иллюминаторе открылась удивительная картина Земли. Цветной ореол — просто чудо. Такого сочетания красок я никогда не встречал. Красота непередаваемая.

Вспоминая пережитое и прочувствованное, он говорил о том, что дали ему эти 108 минут полета:

— Заставили переосмыслить весь тот путь, который я прошел с первого дня пребывания в Звездном до посадки в космический корабль. Тем, кто пойдет вслед за мной, могу сказать: вера в успех, сосредото-

точность, знание техники, понимание всей важности задачи в нашем деле необходимы как нигде. Ведь мы испытатели.

— А страшно было, Юра? — спросила я как-то чисто по-женски.

— Страшно?.. Не знаю. Не думал об этом. Времени не хватило. Ведь всего 108 минут.

108 минут... Я часто пытаюсь соразмерить их с тридцатью четырьмя годами его жизни. Не знаю, можно ли сопоставлять события, которые отличны друг от друга, как, скажем, движение и покой? Но так или иначе, а день или год, прожитый человеком, не равен другому дню или году. Они равны вложенным в них человеческим усилиям, границы времени раздвигает труд, и место человека среди тех, кто этот труд вершит.

Вычитанные у Горького слова о том, что есть только две формы жизни: гниение и горение, трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую... — стали для Юрия своего рода критерием поступков и дел.

Не знаю, не могу объяснить, как он успевал переделать все то, за что считал себя в ответе. Он учился, много читал, любил возиться с детьми, встречаться с друзьями, он был очень занят: по работе, общественными делами — на все хватало времени, но не было этого — «от» и «до».

Домой он приезжал поздно: то заседания, то встречи, то выступление на каком-нибудь торжественном собрании. Юра поудобнее усаживался в кресле, потирал веки, как бы снимая этим усталость, и еще с минуту молчал. Он унаследовал мудрую привычку селян — взвешивать каждое слово. Семья и традиции, которые в ней сложились, выковали его характер: научили ценить человеческую гордость, уважать старших, быть щедро гостеприимным. А мать — Анна Тимофеевна — подарила ему доброе сердце.

Были ли у него минуты, когда с высоты сделанного он оглядывал свой путь? По-моему, нет, потому он и остался таким, каким был до полета, что не оглядывался. Он больше любил заглядывать вперед.

Он любил книги. И в доме у нас их немало. Он покупал их при первой же возможности. Нет, не для «коллекционирования» и не для того, чтобы «смотре-

ли» с полок красивые переплеты. Почти всю нашу домашнюю библиотеку он перечитал. Читал ночами или по воскресеньям. Делал закладки или отчеркивал места, которые особенно привлекали его внимание, выписывал их.

— Послушайте, красиво сказано: «...Без романтики мы не сможем жить. Мир остановится. Я убежден, что двигают его вперед мечтатели и фантазеры. Это просто другое название революционеров, изобретателей и поэтов».

Это из книги А. Меркулова «В путь за косым дождем...». Книга о летчиках. Юра ее очень любил. Слова Юрия Гарнаева — летчика-испытателя, мужественного и смелого человека, приведенные в этой книге, он относил и к профессии космонавта, к своей работе в Звездном. «Мы работаем. Для нас это значит жить. Жить во что бы то ни стало! Это делает твою волю напряженной и острой. Ты начинаешь соображать быстрее, чем это кажется возможным. Не думаешь о смерти. Не веришь в нее... Вся трудность — не сделать ошибки... Ты выходишь навстречу опасности. Потому что хочешь по-настоящему жить, не допустить просчета в работе...»

Как-то прочитал у Паустовского в «Повести о жизни» такие слова: «С тех пор я окончательно убедился, что способность ощущать печаль — одно из свойств настоящего человека. Тот, кто лишен чувства печали, так же жалок, как и человек, не знающий, что такое радость...»

— Валя, послушай, — перечитал мне вслух. — Интересно, правда?

И после паузы:

— Мне кажется, что человек, упражняющийся в острословии, в осмеивании окружающих, лишает себя способности ощущать как настоящую печаль, так и настоящую радость...

— Это ты о ком? — спрашиваю.

— Есть такие. Они отчасти и сами это понимают. Но только отчасти. Они еще далеки от истинного понимания своей ограниченности, своего невежества. Согласись: чем умнее, культурнее, интеллигентнее человек, тем он снисходительнее, мягче, добрее к людям.

— О ком ты? — повторяю вопрос. — Что случилось?

— Как-нибудь потом. Я просто хотел сказать, что интеллигент и интеллектуал — это понятия разные.

Другой раз вычитал слова Гойи: «Честь художника очень деликатная вещь. Он должен стараться прежде всего, чтобы она была вполне чиста. В тот день, когда малейшее пятно запятнает его честь, погибнет все его счастье».

Читая, Юра не просто вбирал в себя информацию. Людские судьбы его трогали и волновали, заставляли задумываться, о чем-то грустить, чему-то радоваться. Но не это, пожалуй, главное. Книги рождали в нем чувства, которые он не мог хранить в себе. Ему нужен был собеседник, чтобы поделиться тем, что его удивило, показалось неожиданным, восхитило или открыло вдруг что-то новое.

— А ты знаешь, кто рекомендовал Шолохова в партию? — спросил он однажды.

Я неопределенно пожала плечами.

— Представляешь, Серафимович! Он заметил его сразу и еще тогда писал о нем в «Правде» — молодой орленок, а крылья размахнул...

— Откуда узнал? — задаю ему вопрос.

А он, не отвечая, продолжает:

— 23 июня 1941 года, на второй день войны, Михаил Александрович — он был после гражданской войны полковым комиссаром запаса — направил телеграмму наркому обороны Тимошенко: «...в любой момент готов стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину».

Я смотрела на Юру и думала про себя: значит, эту ночь читал про Шолохова.

— Я тебе больше скажу.— Ему доставляло удовольствие делиться своими открытиями.— Сталинскую премию, которую Шолохов получил за роман «Тихий Дон», он передал в фонд обороны. И тоже на второй день войны.

С известным писателем Юра встречался несколько раз: на сессии Верховного Совета, на партийном съезде, а в июне 1967 года побывал у него в гостях в станице Вешенской. Об этой поездке рассказывал в захлеб, о самом Михаиле Александровиче, о жизни казаков, о могучем Доне, который произвел на него большое впечатление.

Шолохов пригласил к себе молодых писателей из разных республик, Москвы и Ленинграда, поэтов и прозаиков из Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши, работников ЦК ВЛКСМ и его, первого космонавта. Разговор шел о судьбах литературы, о преемственности поколений. Шолохов вспоминал, как в семнадцать лет командовал продотрядом из двухсот семидесяти штыков, о событиях тех времен. Юра слушал его с той внимательностью, которая была свойственна ему, и не скрывал своего восторга.

— А ты, Юрочка (так называл его Михаил Александрович), в космос летал! И это тоже великое для человечества дело. Великое! — И, окинув взглядом собравшихся, по-отечески добавил: — Всегда я смотрю на молодежь с надеждой, как на яблоньку в цвету, когда ждешь от нее первых плодов.

На этой встрече казахский поэт Олжас Сулейменов читал свою поэму «Земля, поклонись человеку», выступали другие поэты и писатели. Итог дискуссии подвел Шолохов, сказав, что первый советчик писателя — совесть, главный судья — народ.

— А ты, Юра, как считаешь? — неожиданно обратился он к Гагарину.

— Я? — Юра чуть растерялся. — Мне лучше послушать. Неловко как-то рядовому читателю судить о делах профессиональных писателей...

— Вот так и суди, как сердце подсказывает, как разум воспринимает, — подбодрил его Шолохов.

— Признаюсь, — начал Юра после некоторого раздумья, — откладываю иной раз книгу не то с неудовлетворенностью, не то с досадой. Чувствую, что грешит она против правды. Высосан сюжет из пальца... Герои надуманные, не видишь их, не чувствуешь, не веришь их словам и поступкам. Тогда начинаешь думать, что создавать вот такие образы занятие не писательское, а скорее писарское. Такая книга — что полет без цели. Лично я за те книги, которые помогают людям больше видеть, глубже знать, делают их сильнее и, как знамя в бою, ведут за собой.

Шолохов усмехнулся в усы, развел руками и, посмотрев на Юру, сказал:

— Вот тебе и рядовой читатель. Отлично сказано...

Об этой поездке Юра часто вспоминал, рассказы-

вал с увлечением, старался в лицах передать все то, что происходило в Вешенской.

Юрий тянулся к знаниям. Легко запоминал, но не все. То, что он считал важным и нужным.

Он знал историю легендарного партизана-разведчика Николая Кузнецова и ту надпись, которую он сделал на запечатанном письме перед выполнением задания, возвратиться после которого он не рассчитывал. Письмо это теперь широко известно. Помните: «Я люблю жизнь, и еще очень молод. Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик. Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце».

Юра был очень привязан к Сергею Павловичу Королеву. При встречах, на которых обычно решались чисто служебные вопросы, Юра всегда находил момент, чтобы расспросить Сергея Павловича о том, как он пришел в космонавтику.

— Представляешь, Валюша, — говорил он мне, — какие бывают удивительные совпадения в истории. В год моего рождения вышла книга Королева «Ракетный полет в стратосфере». Тогда же состоялась конференция, на которой ученые обсуждали эти проблемы. Я беспомощно улыбался в своей колыбели, а Королев в этот момент говорил о перспективах полета человека на ракете. Не все ему верили тогда. А вот Циолковский поверил. И даже очень поверил. 15 марта 1934 года он написал письмо, в котором дал высокую оценку книги Королева...

Мне тоже доставляли огромное удовольствие встречи с этим замечательным человеком, у которого Юра многому учился: работоспособности, собранности, глубокомыслию, требовательности к себе и окружающим.

Сергей Павлович Королев иногда говорил возвышенно, цитируя кого-нибудь из великих. Скажет и посмотрит внимательно, словно спрашивает: ну-ка назови, кто это сказал.

— В искусстве, Валечка, как и в религии, тот будет, анафема, проклят, кто, видя грех и заблуждения другого, не захочет его остановить, образумить... Это не мои слова, Щешкина. Это он изрек: «Остановить и образумить...» А значит это — быть озабочен-

ным судьбой своего товарища, друга, близкого человека, стараться уберечь его от ошибок, заблуждений, вовремя помочь добрым советом, критикой. Таковы бессмертные заветы великого учителя сцены. А обращены они ко всем нам. Ко всем и к каждому. Таков сокровенный смысл человеческих взаимоотношений, святая святых их добропорядочности...

Иносказательность Королева нетрудно было понять. Я промолчала, но потом спросила:

— У вас есть к Юре какие-нибудь претензии?

— Нет,— ответил он строго.— И надеюсь, что не будет. Человек он с головой.

Вечером того же дня, когда мы гуляли у моря, Сергей Павлович снова вернулся к этому разговору:

— Знаете, ребята, какой огромной силой обладает произнесенное вслух слово! Оно может ранить, как выстрел, направленный в сердце. Но оно может и исцелить человека, вернуть ему душевную бодрость и радость жизни, а иногда вернув и нечто большее.

Сергей Павлович с теплотой и отеческой заботой относился к Юрию, называл его своим учеником, верил в него. «В нем счастливо сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие,— говорил Королев.— Если он получит надежное образование, то мы услышим его имя среди самых громких имен ученых».

Однажды Юрий протянул мне конверт и попросил прочесть письмо. На листке из школьной тетради аккуратным почерком — исповедь матери:

«Дорогой Юрий Алексеевич! Вот по какому делу я вынуждена написать Вам. Три года назад я взяла из детского дома и усыновила прелестного мальчугана. Зовут его Вова. В шумной ребячьей ватаге его всегда выбирали «космическим начальником». А недавно мальчишки хвастались друг перед дружкой своими отцами. «У меня папа — шофер». «У меня — инженер». «У меня...» Дошла очередь до Вовки, он возьми и выпали: «А у меня — космонавт!» Все, конечно, засмеялись. Не поверили Вовке. Домой он прибежал в слезах. Уткнулся мне в колени. Жаловался: «Женька Семичев дразнится, что у меня отца нет, а у него есть — летчик. Мама, ведь у меня есть отец-космонавт, да?» Кое-как я успокоила Вовку. Но как ответить на его вопрос, так и не придумала. По-

можите мне, дорогой Юрий Алексеевич. Марфа Котова».

Я посмотрела на Юрия. Он молчал. Потом скорее для себя, чем для меня, сказал:

— Глупость какая-то, можно бы и не отвечать, но ведь мальчишку надо понять...

Теперь уже и в тоне его, и во взгляде был вопрос ко мне: что же делать? Он вложил письмо в конверт, повертел его и положил на письменный стол.

Случилось так, что на следующий день Юрий улетел в командировку. В Москве его не было дней пять или шесть. Вернувшись, закрутился в делах. О письме, казалось, позабыл. Но вот однажды утром я увидела написанный им ответ. Не удержалась, прочитала. Начинался он так: «Владимиру Котову от Юрия Гагарина, космонавта-один». А далее текст:

«Дорогой Вовка! Мне рассказали, какой ты славный парень и как отважно водишь к самим звездам космические корабли. Вот еще немного подрастешь — вместе полетим к Марсу на взаправдашнем звездолете. Не возражаешь? А Женьке Семичеву, который дразнит тебя, скажи, что я на него в страшной обиде. Если тебя еще кто будет обижать или тебе придется в жизни очень туго — напиши мне. Всегда охотно приду на помощь. Считаю меня своим верным другом, а если хочешь, то и своим отцом.

Твой Юрий Гагарин».

А однажды почта принесла другое неожиданное письмо. Написали его дети, которые по разным причинам прикованы к постели, может быть, на всю жизнь. Они не ходили в школу, не знали шумных игр. В общем жизнь со сплошными «не». Начиналось письмо обращением: «Здравствуйте, уважаемый Юрий Алексеевич!» А ниже строчками — печальный рассказ о мальчишке из Томска, девочке из Ростова, других ребятishках...

Юра ходил чернее тучи. Ничего не ел, ни с кем не разговаривал. В субботу рано утром он куда-то уехал. Вернулся в воскресенье вечером. «Ездил к ребятам... Славные такие. Обещал им еще приехать и книжки о космосе привезти». Он сдержал свое слово.

Каждый день почта доставляла нам увесистую пачку писем. Писали дети и взрослые, школьники и студенты, солдаты и рабочие... Поздравляли, пригла-

шли в гости, задавали вопросы, просили прислать автограф... Прошел месяц после Юриного полета, прошел год, два, а письма все шли и шли: с Дальнего Востока, с Камчатки, из Ленинграда и Харькова, Новосибирска и Томска, Риги и Таллина, Саратова и Ярославля... Из Италии и Франции, из Голландии и Бельгии, из Греции и Дании, из США и Индии...

Искренний восторг где-то соседствовал с завистью, мудрость — с наивностью, удивление — с простодушием, с верой в будущее... Юрий любил читать эти письма. За ними стояли люди — их судьбы, нравы, жизненные проблемы, стояли человеческие души...

«Дорогой Гагарин!

В сердцах миллионов людей на всем земном шаре Ваш подвиг так же велик, как Ваша Родина, как Советское общество, к которому каждый хотел бы принадлежать...

Вы с честью носите звание Человека с большой буквы. Поздравляю!

Элон Пашивец, Южная Австралия».

«Господину Юрию Гагарину, первому человеку Космоса.

Мсье, я племянница Жюль Верна и в этом качестве хочу высказать Вам восхищение Вашим подвигом. Вы осуществили мечту Жюль Верна. Если бы он был жив, он, конечно, находился бы сейчас возле Вас, разделяя радость Вашей страны. Bravo! — от всего сердца. Желаю Вам всего счастья, которое только возможно.

Кристин Аллот де ла Тюе,
г. Нант».

«Товарищ Юрий!

Обнимаю тебя и вместе со мной тебя обнимают миллионы людей моей страны. Мы обнимаем не только тебя, но и весь славный народ России.

Лусиферо Маццей, Бразилия».

Американские коллеги прислали Юрию телеграмму следующего содержания:

«Шлем свои поздравления по случаю сделанного Вами важного шага в области исследования человеком космоса. Мы надеемся, что нам представится возможность получить всю информацию о Вашем полете...»

«Только слепой может не видеть изумительных успехов Советского Союза в самых различных областях. Ведь это факт, что, несмотря на Ваше превосходство в освоении космоса и ракетах дальнего действия, Вы никогда не «нападаете первыми», хотя многие наши генералы и адмиралы утверждают обратное...

Пауль Рамос, рабочий. США».

«Спасибо вам, майор Гагарин! Примите мои самые сердечные поздравления. Я немолод, но готов отдать все свои силы сотрудничеству в борьбе за победу мирового социализма, за правду и мир. Посылаю Вам свое изобретение и разрешаю использовать его на благо Советского Союза и всего человечества...

Генрих Кремер, ФРГ».

«Гагарин, вы сотворили чудо! Фаптастика стала реальностью. Я тоже хочу быть космонавтом. Я читал, что в России пахари имеют столько же шансов стать космонавтами, что и дети ученых...

Этли Адамс, графство Глостершир».

Кто больше всего восхищается космонавтами? Дети планеты. Раньше они завидовали первооткрывателям, штурмовавшим «белые пятна» — неизведанные районы Земли, затем летчикам, поднимающимся все выше и летавшим все дальше и дальше. Теперь их мечта — космос, штурм Луны и планет. Сколько таких писем получал Гагарин! В каждом вопросе: посоветуйте, как стать космонавтом? Что надо делать? Каким видом спорта заниматься? В какой институт поступать? Но были вопросы и иного плана.

«Дорогой господин Гагарин!

Я очень надеюсь, что при всей занятости Вы найдете время дать ответ юноше, который хочет воспользоваться Вашим советом.

Что бы Вы посоветовали пятнадцатилетнему человеку, находящемуся на перекрестке жизни и готовящемуся принять важное для себя решение? В такое время очень хотелось бы получить Ваш совет, совет опытного человека, живущего в новой стране.

Вот мой первый вопрос.

Если личные интересы требуют солгать (предпо-

ложим, что возникла такая обстановка), нужно ли лгать вопреки принципам или нужно говорить правду?

Далее. Выходит так, что способных людей больше, чем мест, на которых они могут проявить свои способности. Отсюда напрашивается вывод, что для того, чтобы добиться успеха, нужно «перерезать другому горло». Считаете ли Вы, что это правильно, и если да, то справедливо ли это?

И наконец, как Вы считаете, если поставить перед собой цель и упорно работать, можно добиться успеха или тут должна сопутствовать удача?

Мне неудобно долго занимать Ваше время, но хотелось бы узнать, что, по Вашему мнению, означает успех?

Я надеюсь, что Вы окажете мне честь и ответите на эти вопросы в любом удобном для Вас виде. В мои 15 лет будет очень полезно получить Ваш совет.

С уважением Ирвинг Лазар,
Монреаль, Канада».

Признаюсь, у меня не было времени выполнять функции Юриного секретаря. Гале исполнился всего годик, Лена была старше, но тоже требовала внимания. Накормить, обстирать, погулять, прибрать квартиру, множество других дел — ведь постоянно у нас кто-то бывал, кто приезжал на час-два, а кто и оставался ночевать. Словом, времени не хватало. Но многие письма Юра мне показывал или читал вслух. Советовался, что ответить. Это письмо он принес с работы. Вечером долго сидел за столом, что-то писал, потом скомканные листы бросал в корзину. Ответ не получался.

Утром он встал рано. Закрылся в кабинете и не выходил до завтрака. Когда машина увезла его в Звездный (тогда мы жили в Чкаловской), я подошла к письменному столу. На нем лежал чистый лист бумаги.

— Я ничего не знаю об этом парне, — говорил Юрий. — Добрый он или злой, чем он занимается в жизни и как прожил свои пятнадцать лет...

В пятнадцать лет много ли знает человек о жизни и смерти, о горе и о верности, о справедливости и лжи? И хорошо, что не все знает, — неокрепшие плечи могут согнуться под тяжестью душевных перегруз-

зок. Ну а если случится так, что жизнь поставила тебя перед выбором и надо действовать, принимать решение, отвечать за себя перед другими и перед самим собой?..

Юрий терзался: «Как ему написать, чтобы он поверил? Чего он боится? Подтверждения каких теорий ждет от будущего? Единственное и самое главное открытие он уже сделал: живет в обществе, где человек человеку волк... А сам-то он что думает о людском бескорыстии?»

Погрустневший, задумчивый был он в те дни. То надолго замолчит, то начинает говорить о своем детстве. Он тоже учился жить, задавал себе тысячи вопросов, отступал, ссорился сам с собой, что-то терял и находил заново. В жизни каждого из нас есть, были или еще будут решающие дни, часы, минуты, когда нужно уяснить и понять что-то очень важное. Для Ирвинга Лазара эти минуты наступили в 1963 году.

Юрий знал, что формальный ответ не устроит канадского юношу. Да он и не мог ответить на письмо так, лишь бы.

— Ты знаешь,— говорил он,— я все эти дни думаю о людях. В хороших людях много общего. Характеры, судьбы, горести и радости у каждого свои, но вера в человека у всех одинакова, чуткость к чужому горю тоже, и главное, что хороший человек не подведет, не обманет, не сделает гадость исподтишка. С хорошими людьми легко жить — это все знают.

Подлецы разнообразны. Разнообразны до удивления. Вот уж где не предскажешь, как человек поступит, как поведет себя, что затаит в душе. Когда ему нужно, в нем проглотит, проснется добро. И когда ему что-то выгодно, необходимо, пусть останется за ним хоть океан горя...

Я слушала эти его рассуждения и соглашалась. И родилось еще одно письмо, под которым стояла подпись: «Юрий Гагарин».

«Мой молодой канадский друг!

Я немало думал над твоим письмом. Мне правится, что ты ставишь перед собой такие серьезные вопросы. От того, как ты сам на них ответишь, мне кажется, во многом будет зависеть дальнейшая твоя судьба.

Ты, может быть, знаешь, что в моей стране мы обращаемся друг к другу словом «товарищ». И с детства я привык к тому, что меня окружали товарищи, друзья. Когда мне было восемь лет, я вступил в организацию юных пионеров. В этой организации мы занимались спортом, ходили в первые походы, спали в палатках в лесу, учились зажигать костер одной спичкой. И одна из главных заповедей, которую я на всю жизнь усвоил в эти годы,— это товарищество. Прошли годы, я вступил в молодежную организацию — комсомол, а затем и в Коммунистическую партию... И в этих организациях заповедь товарищества является основным принципом.

Это вступление я написал, Ирвинг, чтобы ты лучше мог понять мои ответы.

Ты спрашиваешь, нужно ли лгать, когда этого требуют личные интересы? Нет, Ирвинг, я думаю, лучше быть честным и всегда говорить то, что ты действительно думаешь. Тогда ты будешь уважать себя сам и заслужишь уважение других. Я думаю, что смелым и сильным человеком, настоящим мужчиной может быть лишь правдивый человек. Тот, кто лжет, не станет настоящим другом, ему никогда нельзя будет довериться. И если мне суждено когда-нибудь стартовать на ракете в космос вдвоем, то мой товарищ будет человеком, который никогда не солжет ради личной выгоды.

И на второй вопрос ответу я отрицательно, Ирвинг. Неправда, что мест, на которых человек может проявить свои способности, меньше, чем способных людей. По крайней мере, в моей стране это не так. Мы ценим человека по тому, насколько он инициативен, насколько энергично он трудится. Главное, по-моему, в каждом труде — это творчество, умение внести в него новое, свое. И тогда тебе обеспечен успех, ты добьешься того места, которого ты достоин, на котором лучше всего сможешь проявить свои способности.

А насчет «перерезать другому горло», то в таком случае победителем всегда будет тот, у кого больше кулак или больше денег. Но тогда, как ты сам понимаешь, хорошее место займут люди, которые вовсе недостойны его. «Принцип» резать другому горло бесчеловечен.

Я верю в удачу, Ирвинг, так же, как я верю и в

разумный риск. Удача обязательно будет сопутствовать тому, кто упорно трудится, добиваясь своей цели.

Но мне хотелось бы подчеркнуть две вещи. Цель, которую ты ставишь себе, должна быть достойна того, чтобы ее добивались. И второе — вокруг обязательно должны быть товарищи. Они помогут тебе, если у тебя вдруг опустятся руки и ты будешь вынужден отказаться от своей цели. Они разделят с тобой и радость победы, ибо если ты один, то никакой успех не сделает тебя счастливым.

Скоро наступит новый, 1964 год. В этом году тебе, Ирвинг, исполнится 16 лет. В моей стране твой возраст считается совершеннолетием. И я хочу, чтобы в твоей будущей уже недетской жизни, Ирвинг, тебе никогда не пришлось лгать и всегда сопутствовала удача.

Юрий Гагарин,
летчик-космонавт СССР».

Письма из Канады, из Мексики, с острова Ява, далекой Гренландии, Мадагаскара, Алжира, Кубы...

Куба! Маленькая героическая страна. Как она полюбилась Юрию, сколько он рассказывал о своей поездке на остров Свободы, о Фиделе Кастро, о кубинцах! Настоящую бурю восторга вызвал визит Гагарина в июле 1961 года на кубинскую землю. Огромнейшее людское море приветствовало его. Десятки тысяч голосов скандировали: «Фидель — Гагарин, Фидель — Гагарин...»

Когда шум стих, президент Освальдо Дортикос зачитал указ о награждении Юрия Гагарина орденом Плая-Хирон. Этим орденом еще никто не был награжден. Первым хотели наградить Фиделя Кастро, но он сам попросил, чтобы орден № 1 вручили первому человеку, побывавшему в космосе, советскому майору. И эту просьбу правительство Кубы исполнило.

Я не возьмусь назвать точное число стран, в которых он побывал. Их много во всех частях света. Он видел миллионы людей, выступал перед огромными аудиториями. И этих выступлений были многие сотни. Порой в день десять-пятнадцать раз. И хотя цифры эти сами по себе очень выразительны, они не могут передать той сердечности встреч, той атмос-

феры восхищения и восторга, той доброжелательности, которые сопровождали его повсюду.

Встречи с ним ждали многие тысячи простых людей. Они хотели понять, почему именно русский человек, а не американец стал первым покорителем Вселенной?

Англия и Франция, Япония и Цейлон, Канада и США, Бразилия и Куба, Индия и Швеция, Финляндия и остров Кюрасао, Мексика и Гана, Либерия и Болгария, Чехословакия и Польша... И встречи, встречи, встречи... Тысячи вопросов, самых неожиданных, самых разных.

Кто знает, на скольких фотографиях и открытках оставил автографы космонавт-1? Сколько деревьев посадил он на разных меридианах планеты? Сколько крепких рукопожатий ощутили его руки?

Н. П. Каманин рассказывал, как во время поездки по Великобритании (это было в Манчестере) к ним с трудом пробился пожилой англичанин и спросил:

— Сэр, у вас все такие? — Он кивнул в сторону Гагарина.

— Какие? — спросил Николай Петрович.

— Как этот, — англичанин вновь показал на Юру и добавил: — Красив, умен, обаятелен, скромен...

Ответ был утвердительный, но кто-то из нашей делегации не удержался и добавил:

— Он коммунист...

Пожилый англичанин улыбнулся.

— Судя по всему, коммунисты замечательные люди. Во всяком случае, лучших на этой земле я не встречал. Ваша партия знает, кого она растит. Спасибо.

Были и иные встречи, случались, как говорят, и инциденты. Но Юра умел выходить из них с достоинством и честью. Помнится, как австрийская газета «Куир», славящаяся своей недружелюбностью ко всему советскому, подняла шумиху о мнимой незаконности ношения Гагариным на территории Австрии военной формы без разрешения властей. Эта газета написала, что группа студентов Венского университета якобы опротестовала приглашение ректором советского космонавта майора Гагарина для выступления с лекцией о полете в космос на корабле «Восток».

Не знаю, был ли на самом деле такой протест или его придумали в самом «Курире», но мотивом этой публикации были соображения о том, что аудитория университета не должна-де использоваться для политической (а точнее — коммунистической) пропаганды. Однако встреча состоялась, пришли на нее сотни и сотни молодых людей, преподавателей, профессоров. Лекция была выслушана с большим вниманием. Гагарину было задано множество вопросов и специального характера, и политических, касающихся участия Советского Союза в борьбе за мир, за запрещение испытаний ядерного оружия, за всеобщее и полное разоружение. Не могу сказать: был ли на этой встрече незадачливый корреспондент из «Курира». Но если он и был, то мог наглядно убедиться в том, что пущенная им газетная «утка» не имела никаких серьезных оснований. А вот то, что в аудитории был поднят транспарант «Слава советскому майору Юрию Гагарину!» — так это абсолютно достоверно.

— Не устали ли вы от той известности, которую получило ваше имя после 12 апреля? Теперь, наверное, вы можете не работать? — спрашивали его, и он отвечал:

— По нашим советским взглядам неверно разделять общество на людей знаменитых, которым их известность дает якобы право не работать, и на тех, кто еще не имеет такой славы и, значит, только поэтому должен трудиться... Что же касается известности, то от нее, конечно же, устаешь.

— Не смущает ли вас слава, которой окружено ваше имя?

— Это не моя личная слава. Разве я мог бы проникнуть в космос, будучи одиночкой? Тысячи советских людей трудились над постройкой ракеты и космического корабля, на котором мне поручили полет. И этот полет — триумф коллективной мысли, коллективного труда тысяч советских рабочих, инженеров, ученых. Это слава нашего народа.

— Чем объяснить вашу жизнерадостность?

— Тем, что я люблю жизнь.

— Вы знали, что получите за полет Звезду Героя Советского Союза?

— Нет. И смею вас заверить, что об этом ни я, ни мои товарищи космонавты никогда не думали.

Для нас это был труд, работа, большая, серьезная.

Иногда нас спрашивают: зачем нужна такая напряженная работа? Зачем мы работаем так, зная, что в общем-то работаем на износ? Но разве люди, перед которыми поставлена важная задача, большая цель, разве они будут думать о себе, о том, насколько подорвется их здоровье, сколько именно можно вложить сил, энергии, старания, чтобы их здоровье не подорвалось? Настоящий человек, настоящий патриот, комсомолец и коммунист никогда об этом не подумает. Главное — выполнить задание.

— Что вы испытали и почувствовали в полете?

— Когда я летел в космическом корабле «Восток», я впервые увидел нашу Землю со стороны. Это потрясающее зрелище! В голубоватой дымке атмосферы подо мной проносились планета, на которой живем все мы — люди... Мы дети Земли. Мы обязаны ей жизнью, теплом, радостью существования. И чувство гордости за наш народ, который открыл передо мною эту необыкновенную красоту. Чувство гордости за нашу Коммунистическую партию, которая поднимает сегодня человечество на недостижимую духовную высоту, открывая его глазам прекрасную явь человеческих отношений...

Там, на высоте, кажется, видишь дальше, чем мог видеть прежде: и вперед, и в глубь истории.

— Кто вас учил мужеству, закалял волю, готовил к жизни?

— Первыми моими учителями жизни были те, чьими руками создаются материальные ценности человеческого бытия... У меня сложилось твердое убеждение, что именно он, человек труда, создатель и властитель всех земных богатств, способен творить чудеса, переделывать мир, ковать счастье. У них, трудовых людей, коммунистов, я учился, по ним сверял свои мысли и поступки.

— Что вас толкнуло на подвиг?

— Мы, как и все ребяташки, выросшие на самой щедрой и светлой земле, еще с детства мечтали быть героями. В какие игры мы играли? Мы были чапаевцами, папанинцами, панфиловцами. Мы зачитывались книгами «Как закалялась сталь» и «Повесть о настоящем человеке», мы хотели быть Павкой Корчагиным, Сергеем Тюлениным. И с самого детства для нас подвиг во имя Родины — главное дело жизни.

...Поездки были интересными, но и утомительными тоже. Помню, в какой-то гостинице он вышел на балкон. Городские огни плыли где-то внизу, сверкала реклама, автомашины красными огнями чертили паутину улиц. Было тихо. Звуки не доходили до верхних этажей.

— Как это здорово, — сказал Юрий. И вдруг неожиданно добавил: — Мы тоскуем по самому разному, но больше всего тоскуем по себе. Да-да, по себе. Каким же редким стало в наши дни уединение! И как приятно побыть одному после напряженного дня в этом незнакомом и чужом городе...

Такое настроение быстро проходило, и он снова тянулся к людям: к студенческим спорам, жизни пограничной заставы, к друзьям-летчикам, к горячим событиям заводской жизни, к детям... Воспоминания о прошлом, размышления о настоящем и будущем увлекали его. Он был тонким и наблюдательным исследователем характеров, умел анализировать факты, пусть схваченные порой мимоходом.

Есть люди, которые привыкли (а быть может, и сами стремятся к этому) ощущать себя лишь любопытствующими созерцателями происходящего. Они — словно зрители телевизионной передачи. Со стороны судить обо всем легче, спокойнее. Юра был не таким. Он должен был во все «влезать и вникать сам». Обязательно сам. Сверх того, он во всем стремился увидеть главное, существо. Да и жизнь для него складывалась из радости открытия и преодоления.

После 12 апреля 1961 года жизнь Юрия словно с места в карьер сорвалась, понеслась стремительно, принаравливаясь не без труда к саженным шагам всеобщего внимания. На такой быстрине как не быть крутым переменам!

Говорят, что труднее всего человеку переделать себя. Но, наверное, еще сложнее во всем оставаться самим собой, не терять лица. Он оставался таким.

Водоворот жизни вынесил его на быстрину, закручивал, ставил перед неожиданными ситуациями, сводил с разными людьми. Художники приглашали его на свои вернисажи, композиторы знакомили с новыми произведениями, писатели звали за стол дискуссий, многих, очень многих интересовало его мнение.

Отношение Юрия к вопросу, который ему не до-

Выступление в МГУ и просто
встречи с друзьями.

Все это — его жизнь.

«Эстафета поколений, братство
профессий...»
Об этом он говорил
в конструкторском бюро
имени С. В. Ильюшина.

Автограф космонавта и слово
космонавта всем дороги, всем
интересны.

«Эстафета поколений, братство
профессий...»
Об этом он говорил
в конструкторском бюро
имени С. В. Ильюшина.

Горячие схватки на
хоккейном поле...

Часы за рабочим столом.

А дома — свои радости
и беззаветная любовь к
детям.

Ему звонили из Хабаровска
и Курска, Петропавловска-
на-Камчатке и Сочи,
из Магнитогорска
и Севастополя...

Горячие схватки на
хоккейном поле...

Часы за рабочим столом.

И снова туда, где его ждут.

И всюду — «Добро пожаловать,
Гагарин!»

И всюду — он среди людей.

Годы не сотрут память об отце
и муже.

В сердце матери он тоже
останется на всю жизнь.

Каждый год 12 апреля
к памятнику в Звездном будут
приходить люди. И конечно же, те,
чьи старты еще впереди.

велось глубоко изучить, было на удивление честным и откровенным. И искренне любознательным. Ему было чуждо этакое «Ну как же, ну как же!» или глубокомысленное покачивание головой в такт рассказчику.

Как-то на художественной выставке его спросили: «Как вы оцениваете это полотно?» Юра без смущения ответил: «Я не могу оценивать, я не художник. Я могу лишь сказать о своем восприятии. И если откровенно, то картина мне не очень нравится. Почему? Я ее не понимаю. Во всяком случае, пока».

Он знал: надо уметь правильно оценить полотно, увидеть за ним нечто большее, чем просто красоту красок или проблемность сюжета, и этому надо тоже учиться. И Юра не стеснялся спрашивать на вернисажах обо всем, касаясь порой технологических тонкостей. Он мог спорить и соглашаться, но никогда не позволял себе категорического суждения. Но главное — он никогда не стеснялся сказать, что он чего-то не знает, не читал, не видел.

Он любил природу, места, где прошло его детство, и те новые, что открывались на его пути. Бывало, остановится, смотрит и молчит. Потом скажет:

— Красиво! Речка, луг, холмы, лес — все просто и все прекрасно. Смотреть можно бесконечно, не надоест.

Он сначала облетел земной шар, а потом объехал его. И если бы на глобусе Земли отметить страны, где побывал Юрий Гагарин, воспроизвести все маршруты и города, где он был гостем, то глобус покрылся бы густой паутиной линий. И всюду космонавт-1, посланец Страны Советов, был желанным и дорогим человеком. А ему уже тесной была Земля. Подобно Чкалову, мечтавшему облететь шарик, Юрий мечтал о других планетах: Луне, Марсе, Венере.

Мечтал...

ТАЛАНТ ДОБРОТЫ

Как-то поехали мы отдыхать на юг, а Галю оставили в Москве. Было жарко, и мы побоялись за нее — маленькая совсем. Он все переживал, ходил мрачный, молчал. Я ему предлагаю то одно, то дру-

гое, а он твердит свое: «Не хочу, не хочу». Потом не выдержал: «Или возвращаемся все домой, или я полечу за Галкой». И полетел. Ночью приезжает с аэродрома, а Галя бросилась к нему: «Папочка! Папочка! Родненький!..» Он говорит, что прилетел за ней, а она не верит, плачет, не отпускает от себя. Так и просидел до утра у ее кровати. Днем появляются в санатории. Оба сияют, не отходят друг от друга. Словом, начался нормальный отдых.

1 сентября 1966 года Лена пошла в первый класс. Юра напутствовал ее. Вручая красивый портфель, сказал: «Это для пятерок. Когда портфель будет полный, так что некуда больше положить, тогда закончишь школу». Потом, взявшись за руки, они потопали, веселые, счастливые. Трудно было понять, кто же идет учиться — он или она. И долго еще слышались их голоса. «Первый раз в первый класс...»

У школы он Лену отпустил, а сам остался в толпе родителей. Директор школы увидел его: «Юрий Алексеевич, скажите что-нибудь ребятам». Тогда Юра вышел вперед и сказал:

— Счастливы вы народ, ребята. И день у вас сегодня счастливый. Начинается новая страница в вашей жизни. Запомните, что все люди на Земле, прежде чем стать летчиками, агрономами, рабочими, моряками, космонавтами, учатся в школе. А завет в школе один: быть дружными, заботиться друг о друге и хорошо учиться.

В школу он ходил часто. Правилось ему бывать в «ребячьей республике», где прямо с порога его захлестывала веселая волна детских голосов, которая снимала усталость, отодвигала заботы. На космических скоростях носились мальчишки младших классов. Завидев его, тормознут и глянут снизу вверх озорными глазами. Хохотушки-девчонки возьмут в окружение и защебечут доверительно о своих секретах. Долговязые подростки, ловко маневрируя в энергичной бурлящей толпе, спешат навстречу со своими бесхитростными расспросами. А из дальних углов чинно раскланиваются десятиклассники. Они хотят собраться отдельно, чтобы «серьезно поговорить о серьезных делах».

Юра как-то сразу умел входить в их жизнь. Помогал ему, наверное, его своеобразный талант — доброта.

Юра очень любил детей. Для них у него было время, было терпение, был свой подход к каждому. Разными росли наши Лена и Галя. Старшую, когда она пошла в первый класс и врачи прописали ей носить очки (одно время считали, что у нее дальновзоркость), он называл Профессором, младшую — Чижиком. Однажды, наблюдая, как Леночка делает домашнее задание, Галя взобралась Юрию на колени и очень нежно попросила:

— Папочка, я тоже хочу учиться. Научи меня читать.

— А буквы ты знаешь? — серьезно спросил Юра.

— Не знаю. Ты меня учи без букв.

— Как это так без букв? — с той же серьезностью удивился отец.

— Вот так, без букв. По слогам учи.

Юра достал Ленин букварь, раскрыл его на первой страничке и стал показывать Чижик у сочетания букв:

— Смотри: эти две буквы читаются как «ма». Ясно?

— Ясно.

— Это тоже «ма». Прочитаем их вместе: «ма-ма». Ну, что у нас получилось?

— Кошка.

— Как кошка?!

— Мама у нас уже есть, папочка, а кошки нет. Давай читать про кошку.

Юра расхохотался.

Кстати о кошке. Юра тащил в дом все живое. Не для себя, для девочек. У нас постоянно появлялись то птицы, то звери. Однажды привез бельчат, другой раз маленькую лань. Мордашка добродушная, глазки большие, доверчиво тычется мокрым носом в теплые ребячьи ладошки. Без меня это было. Прихожу домой и чувствую: что-то не то. Юра, Лена и Галя, притихшие, заслоняют спинами угол комнаты и, видно, сильно волнуются. Смотрю я на эту троицу, а они глядят на меня, и мы почему-то начинаем смеяться...

Иногда приходишь утром в ванную, а там утята плещутся и утка вместе с ними. Я хотела выкинуть их из ванны, а утка меня в руку клюнула. Юра долго смеялся над моим испугом:

— Лена, Галка, идите маму лечить, ей утята пальцы откусили.

Девочки любили «живые подарки». В доме становилось шумно. Каждый предлагал свои услуги — убрать, покормить и т. д. Однако ухаживать за зверинцем приходилось мне. Когда Юра уходил на работу, а девочки гулять, я раздавала живность соседям. Но вскоре появлялось новое пополнение.

Как-то Юра и Галя принесли цыпленка. Маленького, желтенького, пушистенького, но удивительно горластого и беспокойного. Посадили его в банку под лампу, чтобы было тепло, — кричит. Пытались поить молоком, кормить хлебом, но он от всего отказывался. Тогда Юра и девочки вернули (в первый раз добровольно) цыпленка насадке.

...Летело время. Росли дочки, выросли понемножку... Бедные мы, родители!.. Над иной задачей, бывало, бьюсь, бьюсь и то решу не сразу. А каково им, детям? В подъезде нашем сорок семей живет, чуть ли не каждый отец — инженер, математик. Если надо, моментально решали школьные задачи. И все не тем способом! А у нашего папы и сразу и правильно все получалось...

Девочки у меня обе хорошо учились в школе. Только Галя доставляла хлопоты. Бывало, соседи говорят:

— Скажите, Валентина Ивановна, Гале, что так не годится. Всех собак в городе девчонка перецеловала. Разве же так можно?..

Я опасалась, что опять квартира в зоопарк превратится. Каких только зверюшек не приносила... Это у нее от Юры... Доброта от Юры, любовь к природе от Юры, привязанность к животным от Юры.

— Мать растила нас трудно: мы болели, работы в доме было по горло, да еще война, а жили мы, как и все в те тяжелые времена, скудно, — говорил он о своем детстве.

И были в его рассказах самые задушевные, теплые слова о матери, Анне Тимофеевне:

— Ты знаешь, Валя, может быть, я не прав, но мне кажется, что материнский труд мы ценим еще недостаточно, не воздаем матерям должное...

А какие письма писал Юра Анне Тимофеевне! Адресованы они ей, потому не стану приводить их полностью, но вот лишь одна строчка: «...Мама,

я тебя так люблю, я так хочу целовать прожилочки на твоих руках. Спасибо тебе за все».

Он считал, что ребенок должен научиться уважать мать с раннего детства. И понимал, что в этом огромную роль играет отец. Если он уважает женщину в семье, то и дети будут уважать ее. Лене и Гале он подавал хороший пример.

Самый тяжелый для него день? Пожалуй, это была смерть Сергея Павловича Королева.

Они очень любили друг друга. Юра собирал фотографии Сергея Павловича, относящиеся к периоду его юности, годам, отданным авиации и планеризму, берег письма и записки академика.

«Ты знаешь, он очень строгий,— говорил мне Юра,— но с ним легко». Даже со стороны было заметно, что они тонко понимали друг друга. Как-то Сергей Павлович был у нас дома, играл с девочками и слушал музыку.

— Хочу приобрести хороший магнитофон, Юра. Ты, я вижу, понимаешь толк в таких вещах. Посоветуй, помоги...

Юра пообещал. Обещание помнил, раздобыл особый экземпляр, собирался подарить Сергею Павловичу в день рождения. Но не успел и долго терзался потом.

Юра был очень привязан к Сергею Павловичу. Уважал за решительность, твердость духа, за прямоту. Королев часто беседовал с ним по душам. Говорил, например, что жизнь нельзя делить на отрезки: вот дом, вот конструкторское бюро, вот испытательный полигон, а это общественная жизнь. Юра тянулся к Сергею Павловичу, прислушивался к его советам и, когда узнал о смерти Королева, с болью сказал:

— Сегодня я потерял отца и друга.

Начав с желания больше знать о Королеве, Юра пришел к потребности рассказывать людям о королевской целеустремленности, принципиальности, верности делу и долгу, партийности, человечности. Сам же Юра судил себя совестью Королева, видел себя его глазами.

— Какое же это великое счастье — человеческий дом,— говорил он, возвращаясь из зарубежных поездок.— Дом, в котором тепло и живо. Просто тепло и живо. Тепло от живого сердца, которому есть для

кого биться. Живо, потому что мы снова вместе...

Однажды меня спросили: кого Юра не любил? Вопрос поставил в тупик. Искала, думала, но не назвала. Он был принципиален, прост и открыт. Он ни от чего не уклонялся, не ограничивал себя необходимостью быть как все или быть не как все. Когда ему было трудно, он не делал вид, что ему легко, когда ему было весело, он не притворялся, что сейчас не до веселья. Он открыто говорил, с чем не соглашался, и высказывал в глаза знакомым и друзьям все, что о них думал. И делал это не для того, чтобы обидеть или унижить человека, — чтобы поправить или исправить. Чтобы помочь.

Мои суждения о Юре могут быть пристрастными. И это объяснимо. Он вошел в мою жизнь, чтобы остаться в ней навсегда. Я не соглашусь с теми, кто пытается идеализировать его, прощать ему все (сам себе он свои просчеты не прощал), что-то приукрашивать, что-то упрощать. Тогда получается искаженный образ Гагарина. А ведь он был иным. Я хочу привести несколько суждений тех, кто долгое время был рядом с ним, кто знал его или старался узнать, с кем сам он был откровенен.

Есть много высказываний о Гагарине. Не стану их делить на справедливые и несправедливые. Немногие знали Юрия близко и глубоко, но есть люди, которые прошли рядом с ним через все испытания. В числе их и Алексей Леонов. Он так сказал о Юре:

— В природе человека тяга к простоте, безыскусности, искренности. Изыск, сложность, манерничанье — это шелуха, а не главное в человеке, будь он трижды гением. Возможно, внимательные историки и биографы Юрия Гагарина найдут иные слова о главном в его характере, но нас особенно восхищала в нем какая-то бездонная сила и устойчивость простых человеческих качеств — честности, прямоты, общительности, трудолюбия. И даже такой полет, такая слава не могли ни на йоту изменить его в худшую сторону. А что греха таить, такое могло произойти с кем-нибудь другим. Полет лишь ярче раскрыл человеческий талант Юрия. Это особенно было заметно для тех, кто начинал с ним.

Вот слова Владимира Шаталова:

— Убежден, всех, кто близко знал Юрия Гагарина, работал рядом с ним, с годами будет объеди-

нять не только чувство естественной гордости и благодарности судьбе, но и чувство возрастающей ответственности за каждое слово о нем. Каждая деталь его жизни, черточка характера, штришок увлечения, запавшие в память, уже сейчас перестали быть твоими, принадлежать тебе. Они общие.

Вспоминая о Юрии Алексеевиче Гагарине, я не могу обойти молчанием то огромное, чисто человеческое влияние, которое он имел на каждого из нас.

Природа щедро одарила его, и у Гагарина было чему научиться. Возьмите хотя бы теперь уже всему миру известное гагаринское самообладание. Он спокойно спал перед своим полетом в неизвестное. А это не так-то просто: ожидание полета, даже самого обычного, труднее других ожиданий. Каждый космонавт знает: самое тягостное время — последние минуты на Земле, вне корабля. Но Юра показал, что и тут можно сохранять бодрость духа, оставаться веселым, спокойным, уравновешенным.

Таким он был и на самом, пожалуй, ответственном участке полета — при вхождении корабля в плотные слои атмосферы, когда горит обшивка, когда космонавтом овладевает напряженное состояние ожидания: ведь до приземления остаются считанные минуты. После того как в космосе побывал Гагарин, эти томительные мгновения стали для нас, его продолжателей, психологически более легкими. Но главное, чему научил нас Гагарин, это отношение к людям...

— Юрий Гагарин уже при жизни стал легендой, символом того, на что способен человек,— сказал о нем однажды Женя Хрунов. И добавил:

— Именно поэтому я считаю своим долгом сказать, что нельзя — так еще бывает! — изображать Гагарина как эдакого развеселого ухаря-парня с вечной улыбкой на лице. Да, он любил жизнь, умел порадоваться от души, был удивительно чутким. Но в работе — а это большая, главная часть его жизни — Гагарин был необычайно сосредоточенным, когда надо, требовательным, строгим. И к себе и к людям. Поэтому вспоминать впопад и невпопад об улыбке Гагарина — этого великого труженика — значит заведомо обеднять его образ.

Вот что подметил в Юрии Константин Петрович Феоктистов:

— Очень часто о Гагарине говорят как о каком-то рубахе-парне. На самом деле он был не таким простым, как это могло показаться с первого взгляда. Юрий был умным человеком, обладавшим врожденным даром мгновенно оценивать ситуацию, выбрать нужную тональность разговора, найти общий язык с любым собеседником. Короче говоря, он умел ладить с людьми. И не потому, что он хотел извлечь для себя какую-то выгоду из этого своего редкостного умения. Просто Гагарину, очевидно, было не по душе, когда он чувствовал, что кто-то обойден вниманием.

Учеба в академии доставляла Юрию огромное удовольствие. «Сколько же я не знаю,— говорил он, возвращаясь с занятий.— И сколько же интересного таит в себе наука!» Занимался он с перерывами: то командировка, то еще что-либо, связанное с его работой, с общественными делами, которых было у него невпроворот. Каждый пропуск занятий требовал дополнительного напряжения сил, чтобы наверстать упущенное. И времени для учебы оставалось мало — только за счет сна. Час ночи. Два часа. Юра за столом. Где-то в три или четыре часа утра, а то и позже я услышу сквозь сон из соседней комнаты, как он шелестит страницами.

— Юра, поспи хоть часок!

Он гасит свет в кабинете, когда до рассвета остается совсем немного. Утром Юра вскакивает и обычно страшно торопится, опаздывать он не мог, не привык. Он был на редкость трудолюбив и упорен. Если какая-нибудь задача не давалась сразу, мог биться над нею часами. Отдохнет минуту-другую, карандаш в руки и опять за стол... Курсовые работы, зачеты, «лабораторки» он сдавал успешно. Он умел мыслить быстро и удивительно логично, и если даже его рассуждения были неверны, то почти всегда остроумны и оригинальны.

Он умел увлекаться, умел «гореть» горячо и вдохновенно, даже если речь шла о самых обыденных вещах. И все окружающие его откликались и зажигались его огнем.

Большим праздником был для Юрия день 17 февраля 1968 года. В канун 50-летия Советских Вооруженных Сил он защитил диплом в Академии имени Жуковского. Защитил на «отлично». Помню,

с какой радостью и гордостью принес он домой синюю книжечку с гербом СССР и номером 042317. «Если все будет хорошо,— сказал он,— через годок продолжу учебу. Пойду в адъюнктуру».

Не хлебом единым жив человек. Ему нужен «хлеб» человеческого общения, он нуждается в душевной участливости, в искреннем, уважительном отношении к опыту прожитых им лет, если, конечно, прожиты они не впустую. Его «духовное самочувствие» во многом, наконец, зависит и от того, сумеет ли он найти полезное приложение силам, в какой-то мере продолжить любимое дело своей жизни.

Юрий мечтал о втором полете, более трудном и более продолжительном. И не просто мечтал. Он боролся за это право и больно переживал, когда чувствовал, что на пути к этой цели есть преграды, объяснимые подобного рода доводами: «А вдруг что случится с первым космонавтом...», «Первый космонавт — это символ», «Не надо рисковать» и т. п.

Юра куда-то звонил, к кому-то ездил, доказывал, требовал, настаивал. По его настроению, когда он возвращался, можно было понять, удачная была поездка или нет. Я старалась не задавать ему много вопросов. Я понимала Юру и понимала то, что поразному складывается жизнь. Может быть сложно, может быть трудно, но не может, не должно быть тошно и нудно. Если так, значит, человек где-то предал себя. Юра считал: если он отойдет от полетов, от подготовки к новому космическому старту, он предаст дело, изменит профессии.

Юра был искренен. И вообще он был чужд хитрости. Ему встречались люди, которые бесконечно рассуждали о проблемах, но никогда не решали их. Мало того, нагнетая «проблемность», они любили толковать о сложностях, о безвыходности, об утонченности своих натур, о свойственной им «раздвоенности» в силу объективных причин или еще о чем-либо... Такие люди Юру настораживали, отталкивали. Он их не любил.

Трудным, очень трудным периодом было для него время, когда решался вопрос: запретят ему летать или нет? «А пужно ли вообще ему было летать?» — спрашивают иные. Рассуждают и так: если бы предугадать, убереечь, не пускать... Надо знать Юру. Спорить с ним было бесполезно: он всегда

доводил до конца все, что задумывал. Беречься, упасть себя для него значило не жить. Небом он «болел» неизлечимо.

— Не расстраивайся, — пыталась я успокоить его.

— Как я могу руководить и готовить к полетам других, если не летаю сам? — обижался он на меня.

— Ну ладно, упрямец, — соглашалась с ним. — Хочешь, я тоже пойду за тебя просить?

«Сам добьюсь!» — были его слова. И добился. После изрядного перерыва в плановой таблице занятий вновь появилась его фамилия. Вновь замелькали листки календаря. Занятия на тренажерах, наземная подготовка, спорт, полеты на самолетах, прыжки с парашютом... Он мечтал полететь на «Союзе». Когда стартовал на этом корабле Володя Комаров, Юра был у него дублером. Он через всю жизнь пронес главный смысл своего существования, всей своей жизни и работы: быть полезным людям, партии, Родине.

И еще хочу сказать о нем. Своим опытом космического полета Гагарин щедро делился как с коллегами-космонавтами, так и с учеными, занимающимися их подготовкой, созданием новой техники. Его живой ум, наблюдательность, склонность к анализу, умение даже в мелочах находить важное и главное помогали конструкторам, медикам, инженерам, инструкторам.

Подробного дневника Юра не вел. Точнее, не вел постоянно. На это у него не хватало времени. Но записи он делал. Иногда очень короткие, иногда более подробные: где бывал, с кем встречался, что делал, что привлекло внимание. Есть в них оценки событий, вопросы к самому себе.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Спокойный, мягкий, разборчивый почерк...

Я не стану приводить здесь все странички его записей. Но некоторые из них, возможно, раскроют его характер, его мысли и чувства, дадут представление о его жизни и работе. Вот эти записи.

* * *

Поехал на встречу в пионерлагерь энергетиков. Далеко. Лагерь хороший, ребята хорошие. Играют в космонавтов, «землян», «лунян», «марсиан», «венериан»... Устроили пресс-конференцию. Спрашивали: можно ли драться? Можно ли плакать? Нужно ли учить литературу и историю? Полетят ли в космос девочки?

Рассказал им о поездке в Японию, о девочке, умершей от атомного облучения.

* * *

Финляндия... Очень красивая страна. Красота строгая, суровая... В городе Тампере есть музей Владимира Ильича Ленина. Здесь чтят память о великом вожде всех пролетариев. Это приятно.

Было много встреч, много бесед. Люди самые разные, но чувство у всех одно: Советская Россия — великая страна, способная на великие свершения.

«Гагарин, оставайся с нами!» — прочел я на одном из транспарантов. Рад бы, говорю, но меня ждут в других местах. И тут же появился новый плакат: «Тогда побудь с нами еще часок». Пришлось задержаться. К машине меня несли на руках...

* * *

Летим в Англию. Посадка в Лондоне. Теплая встреча в аэропорту... Далее как в карусели. Пресс-конференция, вручение золотой медали космического общества...

Встреча в профсоюзе литейщиков. Поездка на завод к рабочим. Собралось очень много народа. Теплые речи, фотографирование. Очень понравилось.

...Завтракал у королевы в Букингемском дворце. Вот как! Королева приняла хорошо.

Побеседовали с ней о погоде, о космосе, о впечатлениях. С принцем говорил о летчиках, полетах, новых машинах... Подарил королеве книгу. В ответ преподнесла семейную фотографию.

* * *

Странное дело происходит. Сейчас пишут очень много статей, очерков о космическом полете. И пишут все обо мне. Читаешь такой материал, и неудобно становится. Неудобно потому, что я выгляжу каким-то сверхидеальным человеком. Все у меня обязательно хорошо получалось. А у меня, как и у других людей, много ошибок. Есть у меня и свои слабости. Не надо идеализировать человека. Надо брать его таким, как он есть в жизни. А то неприятно получается, как будто бы я такой паинька, такой хорошенький, что тошно становится.

* * *

Получил письмо от С. П. Он отдыхает в Сочи, а мы с Валею в Крыму. Вроде бы рядом, но... Сергей Павлович что-то грустит. Наверное, сложности рабочего плана. В его письме иносказательность, но я все понял. Бросить Гурзуф и махнуть к нему?..

Он прислал поздравление ко дню 4 октября, дню рождения первого спутника. Но с этой датой надо прежде всего поздравлять Королева. Его замысел, его осуществление. А сколько было маловеров!

Надо же, уже пять лет как люди штурмуют космос.

* * *

Славные подобрались у нас ребята. Вроде бы и похожи один на другого, и в то же время у каждого что-то свое, чего нельзя не заметить. Так и должно быть. Но есть одно, что роднит всех — это стремление стать настоящим летчиком-космонавтом. Космос зовет всех! И будет звать. Как вечный зов.

* * *

«Я был, есть и буду членом своей партии, в каком бы уголке земного шара я ни находился». Так

говорил Артем (Федор Андреевич Сергеев) — профессиональный революционер, подпольщик, комиссар... Хорошо сказано.

* * *

Космос не только удел мужественных и смелых. Он для любознательных и терпеливых, смекалистых и твердых, ищущих и верящих в будущее этого пока еще не познанного мира.

* * *

Нравится мне, как читает лекции А. А. Космодемьянский. Логично, доступно, образно. Много вычислений, выкладок, формул, но профессор умеет связать все это, пробудить интерес, а главное — заставить напряженно следить за его мыслью. Его рассуждения о квантовой теории света, гравитационных полях, парадоксе времени очень интересны. Не все понятно, хотя внешне вроде бы все просто. Нужно будет поглубже разобраться в этом, почитать кое-что...

Как много зависит все-таки от педагога! Можно сидеть и слушать, а то и спать на лекции, а можно сожалеть, что так быстро пролетело время.

* * *

До пуска Беляева и Леонова осталось меньше недели. На Байконуре подготовка идет вовсю. Дел у всех много, но особенно у экипажей. Примерки, проверки, тренировки каждый день.

Очень много изменений в инструкции космонавтам. Это плохо. Сбивает, путает, заставляет перечивать заученное.

Начинаем организовывать связь. Это очень важный вопрос для полета. Задействуем три канала для дубляжа. Пока все идет хорошо.

В 7 часов утра ракету и корабль вывезли на старт.

Разговаривал с С. П. Он рассказал о перспективах, о будущей работе. Сколько же еще предстоит

сделать! Трудно поверить, что все это будничные дела, а не сказка. А ведь действительно дела. Человек шагнет в космос в скафандре через люк. Потом новый корабль, орбитальные станции. Работа!

* * *

Тяжелый черный день. Всех нас постигла тяжелая утрата: умер Сергей Павлович Королев. Я был в ОКБ, когда пришла эта скорбная весть. Все просто оцепенели. Никто не ожидал его смерти...

Страшный удар. Все ошеломлены. Мы с Лешей Леоновым поехали к Нине Ивановне. Она очень сильно переживает...

Что будет дальше? Никто пока по-настоящему не представляет... Надо держаться.

* * *

На предприятии изучали приборную доску и КСУ. Вообще-то их надо изучать в комплексе, а не на отдельных образцах.

В 16.00 состоялось юбилейное заседание ученого совета предприятия. Зал был полон. Доклад делал М. К. Тихонравов. Он рассказал о работе коллектива по созданию космической техники, коснулся будущего, пофантазировал... Говорил и о летчиках-испытателях. Очень хорошо говорил о С. П.

Я с ним согласен во всем, кроме того, что испытателей надо искать на стороне. Надо смелее использовать наших ребят. И вообще передавать больше функций управления космонавту.

Надо будет собрать ребят и узнать их мнение.

* * *

Начались разговоры: нужен ли очередной полет? И это после того, как все готово — и техника, и люди, и программа составлена и обоснована. А у сомневающихся доводов нет. Нет и позиции. Пожатие плечами, разведение рук, многозначительные намеки — все это пустое.

Полет нам нужен. И не один. Нужно больше делать полетов, приобретать опыт, знания для будущих, более сложных и дальних стартов.

* * *

«Я маленький человек», — говорят некоторые, оправдывая свое безделье. «Куда-де нам до больших дел». Ерунда все это. Удобная ширма. Жить надо просто, но увлеченно, с любовью делать свое, хотя бы и маленькое, дело и любовью делать его большим.

* * *

Утверждение экипажа на «Союз». На первой машине командиром идет Комаров. Я — дублер.

Врачебную комиссию прошел без замечаний. Все показания хорошие. Врачи довольны.

* * *

...Летал ночью. Сделали четыре полета. Все хорошо. Я собой доволен. Не позабыл еще небо, есть порох в пороховницах.

Последнее время в каждый летный день или ночь делаю по четыре-пять полетов. Надо быстрее выполнить программу.

Никак не могу выбраться к С. П. Павлову. Надо посоветоваться кое о чем...

* * *

...Заехали в одну деревню. Зашли в дом. «Можно перекусить чего-нибудь?» — спрашиваем. Бабки приглашают: «Заходите, заходите». Напоили нас молоком, накормили яичками, творогом. Очень удивились и обрадовались, узнав, что я космонавт. Охали, ахали, не верили. А потом говорят: «Похож на Гагарина. Наверное, не врет...»

* * *

Одно из удивительных свойств памяти — извлекать из далекого прошлого воспоминания о давно забытых, казалось бы, событиях и снова переживать связанные с ними обстоятельства так, словно все их участники еще окружают тебя и судьбы этих людей тесно связаны с твоей судьбой.

Я помню всех, кто помогал мне становиться на крылья, осуществлять мечту о небе.

* * *

На пленуме ЦК ВЛКСМ шла речь о воспитании молодежи, о роли в этом деле комсомола. И дело это огромной важности. Нужно очень серьезно подойти к нему. Нужно найти такие формы работы, которые развивали бы у ребят, у нашей пионерии чувство дружбы, товарищества, коллективизма, любви к Родине, партии, уважение к старшим, к традициям народа. Начинать это воспитание надо с самого детства. Но не давить инициативу ребенка, его интересы. Воспитывать нужно, играя, объясняя, показывая. И конечно же, здесь не должно быть фальши, формализма, казенщины. Они все погубят.

* * *

Погиб Володя Комаров. Он сделал очень важное дело и погиб. Он испытал новый корабль. И еще он заставил всех нас быть собраннее, придирчивее к технике, внимательнее ко всем этапам проверок и испытаний, бдительнее при встрече с неизвестным. Он показал, как круга дорога в космос.

Его полет и его гибель учат нас мужеству...

Мы научим летать «Союз». В этом вижу я наш долг, долг друзей перед памятью Володи.

Это отличный, умный корабль. Он будет летать...

* * *

Близится защита дипломного проекта. Чертить и считать приходится много. Только бы не отвле-

кали. Есть интересные идеи, надо бы обговорить их с руководителем.

Работаем без выходных. Думаю все время о дипломе, другое ничто не лезет в голову.

Преподаватели говорят, что у меня материала на два диплома. А мне нужен один, но настоящий, мой. Спасибо Александру Андреевичу Дьяченко — он мой консультант и помощник. Спорим с ним до хрипоты. Но я ему очень признателен за внимание и чуткость.

Свои записи он делал только для себя, но написанное рукой человека равнодушного превратилось из глубоко личных заметок в общезначимый документ. И пусть не все складывалось так, как ему хотелось, за этими строками стоит человек счастливой судьбы, который умел брать от жизни и отдавать ей только полной мерой.

«Мне довелось вручать партийный билет Юрию Гагарину. Передо мной пожелтевший листок перекидного календаря с памятной датой — 18 июля 1960 года. На листке четыре фамилии тех, кому в тот день будут вручаться партийные документы, и одна из них — «ст. лейт. Гагарин».

Гагарин Ю. А. первый из только что созданного тогда Центра подготовки космонавтов получал партийный билет.

...Я отворил дверь и пригласил: «Товарищ Гагарин, зайдите...» Вошел подтянутый старший лейтенант и, слегка волнуясь, представился. Усадив его к столу, спросил, как идет учеба, и тут он улыбнулся своей открытой улыбкой, сразу осветившей его лицо. Улыбка эта запомнилась мне навсегда.

Вот и красная книжечка, партийный билет № 08909627. Осталось подписать и поставить партийную печать.

В то время еще никто, даже в служебных разговорах, не употреблял слово «космос», все еще было впереди. Протягивая партбилет Юрию Алексеичу, я сказал: «Поздравляю вас, от души желаю успешно выполнить задание партии, которое вам предстонт».

Крепко пожал ему руку и подумал про себя: «Вот он первым из Центра получает партбилет, но еще никто не знает, кому первому предстоит космический полет».

Я привела строки из воспоминаний Г. Коварского, полковника в отставке, доцента Военной Краснознаменной академии химзащиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

А как же сам Юрий воспринял это событие?

Спустя годы, возвращаясь в памяти в те июльские дни, он напишет:

«Прием в партию был величайшим событием в моей жизни. И в тот же вечер я написал об этом отцу в Гжатск. Он давно хотел, чтобы я стал коммунистом. И мечта старика сбылась.

В эти счастливые для меня дни у нас произошло долгожданное знакомство с главным конструктором космического корабля. Мы увидели широкоплечего, веселого, остроумного человека, настоящего русака... Он сразу расположил к себе и обращался с нами как с равными, как со своими ближайшими помощниками. Главный конструктор начал знакомство с вопросов, обращенных к нам. Его интересовало наше самочувствие на каждом этапе тренировок. Главный конструктор не спеша подвел нас к своему детищу — космическому кораблю, самому совершенному сооружению современной техники, воплотившему в себе многие достижения науки».

Он не умел отказывать. Каждую просьбу считал обязательной и мучился, когда ему не удавалось что-то сделать. Себе же он отказывал во многом — в отдыхе, в свободном времени.

Последнюю запись в своем дневнике он сделал 23 марта. Это была суббота. Для него рабочая. Сопровождение в Центре, поездка в Москву по делам какого-то строительства, подготовка к Госкомиссии по очередному космическому кораблю, обсуждение предстоящих полетов с Серегиным.

— Скоро 12 апреля, — сказал он как-то задумчиво. — Семь лет прошло...

— Уже семь, — ответила я. — А кажется, что это было вчера.

— Все помню, — заговорил Юра. — До мельчайших подробностей помню. И как волновался там, на Байконуре, в ожидании решения Госкомиссии,

и как радовался, как последний раз пазвал себя старшим лейтенантом, докладывая, что к космическому старту готов. Помню, как обживал «Восток», как каждый хотел что-то посоветовать, что-то пожелать... Как провожали на площадку, как делал заявление для печати и радио — первое в своей жизни. Обращался-то ко всей планете, всему человечеству.

Помню глаза Королева, его лицо, каждую морщиночку на нем... Все помню. И буду помнить...

Мы помолчали.

— Да, быстро пролетели годы! — сказала я больше себе, чем ему, и подумала: «А когда же наступит для него хоть короткий перерыв? Когда пусть ненадолго, но не будет этих «надо», «должен», «обещал»...»

Сначала ждали окончания учебы в академии. Надеялись: теперь будет посвободнее. Не получилось. Занятия, тренировки на земле, полеты на самолетах, поездки на испытания... «Техника совершенствуется, не хочу отставать» — таким был его довод. Служебные дела в Центре (последнее время Юра был заместителем начальника Центра подготовки космонавтов), совещания в конструкторском бюро — тоже его заботы. Плюс к этому депутатские обязанности, дела в Спорткомитете, в Обществе дружбы СССР — Куба, командировки с мандатом ЦК ВЛКСМ на Дальний Восток, в Сибирь, на целину, новостройки пятилетки...

— А когда же отдыхать, Юра?

— Когда? Поэт говорил: «И вечный бой, покой нам только снится».

— Я не шучу.

— Я тоже, — оживился он. — Вот ты окончательно поправишься, погружу всех вас на катерок, и махнем куда-нибудь в глушь... Посидим у костра, ухи поедим, спать будем в палатках, зарю встречать вместе с птицами, босиком по росе бегать...

Юра хитро подмигнул мне и сказал:

— Только чтобы никто не знал, когда и куда.

Кто-то из друзей назвал его «заводной непоседа». Юра не возражал: «Пусть так». Его энергия, энтузиазм были предметом любопытства многих. Помню, французские журналисты задали ему вопрос: «Какие причины побуждают вас вести столь многостороннюю деятельность?»

— Сложный вопрос,— последовал ответ.— Если скажу, что я коммунист и поступаю по велению долга, упрекнут: «Коммунистическая пропаганда». Если скажу, что мне это интересно, не поверите. Впрочем, дело ваше: верить или не верить. Все те дополнительные обязанности и общественные дела, которые я выполняю, неприятностей мне не приносят. Наоборот, я люблю работу с молодежью, с комсомольцами, люблю спорт, нахожу интерес в поездках и встречах с людьми труда... Все это доставляет мне большое удовольствие.

Он не кривил душой. Юра — это человек огромного, бурлящего энтузиазма, энтузиазма искрящегося и передающегося другим.

МАРШРУТАМИ КОСМОНАВТА-1

«Он всех нас позвал в космос»,— сказал однажды американский космонавт Армстронг. Позвал... Наверное, в этих словах особый смысл. А вот что сохранили в сердце и памяти другие.

Владимир Ремек, ЧССР:

Мне не довелось быть лично знакомым с Юрием Алексеевичем — ведь когда двадцать лет назад он стал первым космонавтом Земли, мне было всего тринадцать. Но сегодня мне кажется, что я знал его всю свою жизнь. Потому что для меня, как и для миллионов молодых людей, он стал образцом для подражания, примером в жизни. Вот почему я выбрал профессию летчика, поступил в летное училище. Вот почему меня не покидала мечта о космосе. И чем ближе и реальнее становилось осуществление этой мечты, тем лучше я узнавал и самого Гагарина.

Я учился в тех же классах и аудиториях, в которых в свое время учился Гагарин. И если сегодня я могу сказать, что знаю Юрия Гагарина, то это будет означать, что я знаю его через трудную, но прекрасную профессию — космонавта. Она, я уверен, всегда будет нести на себе отпечаток его прекрасной и мужественной личности. И потому каждый, кому доведется пройти по звездной дорожке,

сможет с гордостью сказать, что он идет дорогой Гагарина.

Мирослав Гермашевский, ПНР:

Гагарин сыграл большую роль не только в моей жизни, но и в жизни всех, в жизни нашей эпохи. И не только в смысле каких-то измеримых достижений науки. Но и в духовном отношении, так как он преодолел барьер, который раньше существовал для человека,— между Землей и всем тем, что вне Земли.

Я не хочу сказать, что все сделанное с тех пор имеет начало в полете Юрия Гагарина. Но ведь всегда легче шагать по тропинке, которая уже проложена. Может быть, отсюда традиция посещать перед полетом рабочий кабинет Гагарина в Звездном городке и там давать своего рода клятву космонавтов — успешно выполнить полет.

Когда полетел Гагарин, себя я не представлял среди космонавтов. Думал, может быть, мои дети или даже внуки полетят в космос. Прошло 16 лет, и все стало по-другому. Советские друзья помогли мне овладеть профессией космонавта. Вот яркий пример и самое конкретное выражение дружбы — дать другу возможность побывать в космосе.

Зигмунд Йен, ГДР:

На Земле привыкли к новым запускам, орбитальным стыковкам, космическим лабораториям. Все это представляется сейчас обычным, будничным делом. Тем не менее пройдут века и тысячелетия, а человечество не забудет имя первого жителя планеты, освободившегося от силы земного притяжения, впервые увидевшего со стороны нашу планету. Кстати, ведь это Юрий Гагарин назвал ее «голубой планетой», и название это с тех пор прочно вошло в наш лексикон.

Во время космического полета я вспомнил слова Гагарина о том, как прекрасна Земля. Главная наша забота сейчас — сделать все, чтобы сохранить земную красоту нашей голубой планеты, сделать жизнь людей лучше, избавить их от угрозы атомной катастрофы.

Георгий Иванов, НРБ:

Совсем недавно мы, космонавты из стран социалистического содружества, летавшие по программе «Интеркосмос», участвовали в научном симпозиуме в Москве, посвященном 20-й годовщине полета Ю. Гагарина. Один только этот факт — яркое доказательство того, что его полет продолжается, обретает новую высоту. А для нас, зарубежных участников симпозиума, это был замечательный повод от всего сердца высказать слова благодарности стране Ленина.

Для меня Гагарин останется человеком-легендой, живым примером, зовущим в будущее. На одной из встреч в нашей стране Юрий Алексеевич сказал, что недалеко время, когда дорогу в космос проложит и болгарин. Я бесконечно горд, что эти пророческие слова первого космонавта Земли сбылись.

Берталан Фаркаш, ВНР:

Было мне тогда 12 лет, и учился я в начальной школе села Дьюлахазы на северо-востоке Венгрии. Крестьяне Дьюлахазы — люди очень земные — восприняли весть о полете Гагарина как нечто сверхъестественное. Многие отказывались даже верить, что человек способен взлететь так высоко над Землей.

Отвлекаясь от курьезов, все же полагаю, что гагаринский «Восток» определил судьбу многих моих сверстников. Не только тех, кто стал летчиком или космонавтом. На любом избранном в жизни пути человека воодушевляет дерзкий полет Гагарина, всем одинаково необходимы его пытливость и мужество, открытая улыбка и твердая воля.

Фам Туан, СРВ:

Я был учеником шестого класса семилетней школы, когда разнеслась весть о полете Гагарина. Не очень хорошо представляя себе космос и все трудности, связанные с полетом, я тем не менее понял, как и многие мои сверстники, что перед нами пример действительно великого мужества и мастерства. Возможности человека раздвинулись бесконечно. Потом мне пришлось стать военным летчиком, защищать небо своей родины в воздушных боях с аме-

риканскими агрессорами. И в самые трудные минуты я говорил себе: «Гагарин выдержал бы это». И становилось легче. Пришел день, и мы с Виктором Горбатко, космонавтом гагаринского набора, вышли на старт в том же месте, откуда стартовал Юрий Алексеевич. А перед этим мы по традиции посетили домик, где Гагарин провел ночь перед стартом. Я увидел, как там все просто — железная кровать, тумбочка, табуретки... Шахматная доска, книги. Эта простота говорила о том, что никто здесь не думал в те дни о себе, о своем месте в истории. А думали прежде всего о деле, о задании Родины, которое надо выполнить как можно лучше.

Арнальдо Тамайо Мендес, Республика Куба:

1961 год был нелегким, но прекрасным в истории Кубы. Победа на Плая-Хирон, кампания по ликвидации неграмотности и приезд Юрия Гагарина — вот главные события, которые я свято храню в памяти.

Когда 12 апреля мир узнал о подвиге Юрия Гагарина, я только собирался на учебу в Страну Советов, где должен был освоить профессию летчика. Уже в тот момент полет Гагарина в космос дал мне уверенность, что, как бы ни сложилась моя судьба в дальнейшем, она неотделима от страны великого Ленина, от народа, навсегда ставшего для меня образцом.

Мужество Гагарина, его уверенность в успехе полета, всепокоряющая улыбка были рядом со мной и в Центре подготовки космонавтов, и во время совместного полета на борту орбитального комплекса. И каждый раз, попадая в Звездный городок, я прихожу к бронзовому памятнику Юрию Гагарину, чтобы вновь услышать его напутствие: «Вперед!»

Жугдэрдэмидийн Гуррагча, МНР:

С детских лет я знал про настоящего, надежно, большого друга нашей страны. Имя этого друга — Советский Союз. С его помощью наш народ сумел шагнуть из мрака феодализма в социалистическое сегодня. С его помощью развивалась промышленность, культура, социальная жизнь Монголии. Мне приходилось видеть, как самоотверженно трудятся для счастья моей страны советские лю-

ди — строители, инженеры, геологи, врачи, учителя... Я полюбил этих людей и мечтал работать с ними рука об руку. И вот — взлет Гагарина. Конечно, мысли мои тогда были далеки от космонавтики. Но главное заключалось в том, что именно Гагарин стал образцом всего лучшего, что я знал и видел в советских людях. Образцом коммуниста, образцом мужества и долга, дружбы и верности. Прошли годы, и в кабине космического корабля «Союз-39» я почувствовал себя продолжателем дела Гагарина.

Думитру Прунариу, СРР:

Гагарин живет не только в сердцах советских людей. Он стал великим примером для всех нас, кто пошел маршрутом космонавта-1. Я счастлив, что готовился к полету в Центре подготовки, носящем его имя. Имя человека прекрасного будущего, в которое он верил пылко и страстно и ради которого прожил свою яркую и красивую жизнь.

Жан-Лу Кретьен, Франция:

Сообщение о полете человека в космос застало меня в летной школе. Это было фантастическое известие. Имя Гагарина не сходило с уст моих коллег. Мне было 22 года, я думал тогда: если в космосе побывал один летчик, то почему бы не быть там и второму. Может быть, этим вторым буду я?

Я не мог спать, не мог жить спокойно. Мои начальники, к которым я обращался с просьбами записать меня в число французских космонавтов, отмахивались и говорили: «Когда настанет день полета француза, ты будешь старым дедушкой». И вот я в Звездном городке, где жил и работал Гагарин, откуда он шагнул в космос. Я тоже стал космонавтом. Это он, Юрий Гагарин, подарил мне мечту о полете.

...В памяти человечества нет ничего подобного, что могло бы сравниться с космическими свершениями советского народа. 12 апреля 1961 года человечество сделало дерзновенный шаг в познании мироздания, в утверждении себя.

А что будет через десять, двадцать и более лет? Космическая летопись, начатая весной 1961-го, продолжается.

КАЖДЫЙ ГОД 12 АПРЕЛЯ... (вместо эпилога)

Память...

Передо мной пачка фотографий. Я их раскладываю на столе, стараясь выдержать хронологический порядок. Вот он совсем еще мальчишка. Смотрит прямо в аппарат полными любопытства глазами. Вот эти глаза сощурены, и губы расплылись в улыбке. Вот он среди одноклассников — сосредоточенный, застывший. Вот держит железный прут, на лоб сдвинуты темные очки. Это на практике в литейном цехе. Вот группа друзей по техникуму. Юра строгий, в галстук. Из кармана торчит авторучка. Глаза повзрослевшие, волосы аккуратно зачесаны назад. Вот он на крыле самолета, счастливый, рука поднята, рот приоткрыт. Наверное, кричал в этот момент что-то веселое. А вот он на каком-то торжественном собрании, сосредоточен, строг. Впервые надета офицерская форма: две звездочки на погонах и кортик сбоку. Много фотографий у самолета, в парашютном снаряжении, на спортивных площадках.

Вот мы вместе, молодые, не очень-то смышленные, наша Леночка у меня на руках. Вот ребята из первого космического отряда: Леша Леонов, Андриян Николаев, Паша Попович, другие. Вот Юра в скафандре там, на Байконуре. Вот он на Красной площади.

Сколько лет, сколько событий!

А он не менялся, разве что взрослел...

Все помнят его обаятельную улыбку, общительность, доброжелательность и неизменное чувство юмора, которое помогало ему и окружающим. Может быть, оттого и называли его — наш Юрий.

Он был первым. К этому трудно что-либо добавить. И в безмерных далях космоса, которых достигнут идущие за ним, будут жить те 108 минут истории, которые открыли новую эру. Космическую эру человечества. Ведь с его знаменитым «Ну, поехали!» весь мир как бы поднялся на новую ступень развития.

Он жил среди людей. Он любил их, и они платили ему тем же. Рассказывая о нем, я испытываю особое волнение, особое чувство. Это и радость, и тревога,

и сомнение... Радость потому, что пишу о моем друге и муже, об отце моих дочерей, о человеке, который нам — мне и детям — безмерно дорог. А сомнение и тревога оттого, что все, что до сих пор написано о Гагарине, на мой взгляд (а его разделяют и близкие друзья Юрия), не выражает во всей полноте характер этого человека.

Не знаю, удалось ли мне рассказать о нем так, чтобы молодые люди лучше поняли его, но попытаться сделать это, как мне кажется, я должна была.

Портрет на стене...

Я смотрю на его лицо, на чуть сощуренные, искрящиеся глаза. На улыбочивые припухлые губы, на едва заметные морщинки у смеющихся глаз... В ответ тишина. А что бы он сказал сейчас, в свои пятьдесят лет?

Не знаю. Он мог сказать многое: и о работе, и о космических достижениях, и о товарищах, а если о себе, то, наверно, удивился бы: «Неужели уже пятьдесят?! Стареем».

Тихо в квартире. Очень тихо. Девчонки ушли на работу, захватив с собой утреннюю суету и спешку, торопливые разговоры о предстоящем дне. Я одна. Стою у окна, смотрю, что там, за стеклом. И ничего не вижу. Я чего-то жду. И хотя знаю, что он никогда больше не перешагнет нашего порога и не принесет с собой успокоения и задора, жду чуда. Вот сейчас раздастся звонок в дверях. Дети побегут с криком «Папа!», и я услышу возню в коридоре и знакомый голос... Но проходит минута, другая, а вокруг тишина. Тягучая и печальная.

Тихо в квартире. Синь неба и весенняя капель за окном. В проталинах зеленеют тонкие стебельки. Птицы хором пробуют голоса, пригревшись на теплом солнце. Сигналит машина, шумят дети, кто-то кого-то зовет, а у нас тишина.

Еще одну космическую весну будут встречать без него.

Взгляд медленно скользит по комнате и снова останавливается на портрете...

Пусть не покажется странным, что в этих, казалось бы, чисто личных воспоминаниях о Юрии как бы перемежаются два плана: общественный и личный. Для Гагарина нельзя было быть просто женой и матерью его детей. Для него было очень важным,

чтобы рядом был друг, с которым он мог бы быть предельно откровенным. Мне кажется, что у нас была такая дружба. Она делала нашу любовь еще сильнее.

1968 год. Кто мог подумать, что он станет для нашей семьи черным годом? Кто мог подумать, что... Что все так неожиданно и нелепо оборвется?

26 марта, в ту трудную для нас весну, он приезжал ко мне в больницу, рассказывал, как дела дома, как девчонки. В этот день в 16.00 у него должна была быть предполетная подготовка. Он посматривал на часы. «Поезжай, опоздаешь», — сказала ему. «Успею...»

Те, кому приходилось долго лежать в больнице, наверное, знают, что такое тоска по дому, острое желание пройтись по знакомой улице, окунуться в обстановку будничной суеты, домашних хлопот... Как ни внимательны работники больницы, нас неудержимо влечет домой, к родным, близким, друзьям. И торопливый визит, и короткая записка порой определяют настроение больного на несколько дней. Согревает мысль: обо мне помнят. Но и предчувствие становится каким-то обостренным.

На следующий день вечером он должен был приехать снова. Но не приехал. В 10 часов 19 минут он ушел в свое небо. В 10 часов 41 минуту перестало биться его сердце.

...Я смотрю на его портрет. Кажется, что он здесь, с нами. Просто ушел куда-то, уехал и скоро вернется...

Гагарин и смерть... Как неправдоподобно это звучит, как страшно! Я гоню от себя эту мысль, я не хочу в это верить. Для меня, Ленокки и Галки эти два слова несовместимы. Он был и есть жизнь.

Весной 1961-го ему исполнилось двадцать семь лет, весной 1968-го — тридцать четыре. Трудно делить его жизнь на какие-то рубежи, этапы, отрезки. Хроника Гагарина — это и дата его рождения, и годы учебы, и день вступления в ряды комсомола, и первое свидание с небом на аэроклубовском самолете, и служба на Севере, и приход в Звездный, и путь до 12 апреля, и 108 минут истории, и то, что было потом...

Некоторые считают, что потом было испытание славой. Это неверно. Испытание было в другом. Нуж-

но было самому себе сразу же, не откладывая на потом, ответить на самый главный вопрос: «Что дальше: праздность или работа?»

Я особенно заостряю внимание на этом, потому что Юра еще до полета любил повторять: «Это наша работа». И полет он понимал только как работу, как будни. Вот его слова:

«Меня в мае шестьдесят первого все время почему-то преследовала одна мысль, один вопрос: «А что дальше?» Примерную программу полета я знал, знал, что «Ландыши» (так Юра называл товарищей по отряду.— В. Г.) рвутся в космос. Чем буду заниматься я? Решил посоветоваться с Королевым...

Сидели мы в саду возле дома.

— А что мне делать дальше? — спросил я.

— А как ты думаешь?

— Когда ты летчик, все ясно. Сегодня полет, завтра полет, и так каждый день. Работа.

— Ясно. Но это только констатация факта, — заключил Королев, — а где предложения?

— Еще раз слетать в космос, — неуверенно сказал я.

— Согласен, но только с более сложным заданием, чем первое. Потребуются новые знания, время.

— Надо учиться — я правильно вас понял?»

И он учился. Упорно и постоянно.

Испытание славой тоже было, причем оно оказалось неожиданным — Юра даже не предполагал, что будет именно так — море цветов, потоки писем из разных стран, множество восторженных встреч. И пройти через это испытание — значило сохранить себя как личность.

«Надо дело делать...» Эта мысль рефреном проходит через всю его последующую жизнь. Те 108 минут соприкосновения с неведомым — старт, вывод на орбиту, невесомость и перегрузки, психологическое восприятие космоса, полет над Землей на огромной высоте — раскрыли еще одну грань его личности.

Гагарину оказались по плечу большие государственные и партийные задачи. Депутат Верховного Совета СССР, делегат партийных съездов, член ЦК ВЛКСМ, член многих комиссий...

Казалось бы, работы достаточно. Однако у Юрия Алексеевича было еще одно важное занятие — помогать ученым и инженерам при создании новой кос-

мической техники. К личному опыту, таланту, инженерной эрудиции Гагарина обращались конструкторы при создании новых кораблей. Немалая доля его души и сердца вложена в ныне действующие корабли-спутники типа «Союз».

Как-то дети принесли пластинку с современными песнями. Меня взволновали слова одной из них: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь». Миг и жизнь...

«Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением».

Эти его слова вновь и вновь вспоминаются, когда оглядываешься на его жизнь. Счастливую и яркую. Честную и вовсе не простую.

«Не думать о себе, думать о других — это свобода! Это возвышенно и величественно.

Но не только это! Возвышенно и величественно любить кого-нибудь, быть ему настоящим другом в жизни... Иметь детей и воспитать их настоящими людьми... Хорошо работать и знать свое дело... Быть обыкновенным, честным человеком...»

Все это и привело его к бессмертию.

Помню такой случай. Журналисты из «Правды» помогли Юре написать книгу о полете, о себе, о товарищах. Работал он с увлечением, времени не жалел. И вот «Дорога в космос» увидела свет. Осенью мы поехали в Гжатск, к Юриным родным. А там эта книжка уже есть, прочитали ее. Всем понравилась она, а дедушка-сосед остался недоволен. Встретил Юру на улице и говорит: «Читал твою книжку. Хорошая. Только что же ты про меня не написал? Я ведь и в империалистическую немцев бил, и в Отечественную, и самолеты всякие видывал, и то, что по радио говорят, растолковываю всем... Ты в другой раз про меня напиши. Обязательно. Вот это будет так!»

Дед рассказал Юре притчу о первопроходце. Один человек возвращался из леса домой и пошел там, где еще никто не ходил — напрямик. Намучился он, продираясь сквозь ельник и увязая в трясине. Люди смеялись да головами покачивали: нашелся удалец. Да и человек сам тоже не радовался, что избрал такой путь. Дал зарок: отныне буду ходить только там, где все. А когда, спустя время, снова

возвращался домой, увидел, что все ходят его тропой. Она короче и удобней. И человек снова пошел... Своей дорогой.

Юра смеялся: «Я тоже своей хожу».

— Ходи, мил человек, ходи. Ну, а про меня все-таки напиши.

Юра пообещал. Разговор этот ему запомнился надолго. «Дед по-своему прав,— вспоминая просьбу написать о нем, сказал однажды Юрий.— Сколько людей готовило мой полет, а о них никто ничего не знает. Они не думали о славе — они работали. Это они создали «Восток», ставший символом человеческого прогресса.

Придет время, и все узнают имена тех, кто создавал первые космические корабли, кто их делал своими руками, кто их запускал. И будет рассказано о том, как эти люди работали».

Наступит пора, когда в просторах Вселенной будут работать монтажники, астрономы, геологи, физики, синоптики, врачи, биологи, химики, металлурги, океанологи, рабочие — сотни, тысячи людей.

«Мне хочется пожелать всем вам: и будущим космонавтам, и будущим рабочим, инженерам, ученым, архитекторам, биологам... большого счастья в жизни, прочных знаний, богатырского здоровья и всегда хорошего настроения» — так Юрий Гагарин напутствовал молодых.

В космосе никогда не будет легких путей. Но труднее всех было, конечно, ему, космонавту-1, Юрию Гагарину. Он шел в неизвестное, а это требует всегда полной отдачи сил, мужества, героизма, воли.

Путь к звездам лежит по целине.

Он бесконечен, этот путь.

Дерзновенный шторм космической целины продолжается...

Закончить эту книгу памяти о нем мне хочется словами главного конструктора космической техники С. П. Королева:

«Именно советский человек должен был первым подняться в космос и пройти в нем уверенным шагом никем еще не хоженные пути-дороги... Юра был настоящим русским парнем — честным и добросовестным, открытым и жизнерадостным, смелым и талантливым, дорожающим своим добрым именем и очень любящим людей».

Гагарина В. И.

Г12 Каждый год 12 апреля/Лит. запись М. Реброва.— М.: Сов. Россия, 1984.— 96 с., 16 л. ил.— (Время. Характер. Судьба).

Эта книга о Юрии Гагарине — первом из землян перешагнувшем порог космоса, о человеке, чей подвиг переживет века. Для будущих историков день 12 апреля 1961 года всегда будет отправной вехой, днем, когда было положено начало практическому покорению космоса человеком.

Гагарин жил среди нас, беззаветно любил свою Родину, ее просторы и песни, ее людей — тружеников и мечтателей. Он говорил: «Есть «слава» и Слава. И та, которую хочется писать с большой буквы, никогда не была и не будет славой только твоей. Она прежде всего принадлежит тому строю, тому народу, которые воспитали и выкормили тебя... Эта слава заставляет быть требовательным к себе, он, трудна, но надежна».

Рассказывает о космонавте-1 его жена Валентина Ивановна Гагарина.

6Т6

0802010203—006
Г **М-105(03)84** **20—84**

Валентина Ивановна Гагарина

КАЖДЫЙ ГОД 12 АПРЕЛЯ

Редактор **Е. А. Залегина**
Художественный редактор **Л. Е. Безрученков**
Технические редакторы **Г. О. Нефедова** и **И. И. Капитонова**
Корректор **Э. З. Сергеева**

ИБ № 3580

Сдано в набор 05.10.83. Подп. в печать 06.02.84. А05736. Формат 84×100₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,24 (в т. ч. вкл. 1,56). Усл. кр.-отт. 6,83. Уч.-изд. л. 6,70 (в т. ч. вкл. 1,50). Тираж 50 000 экз. Заказ 442. Цена 40 коп. Изд. инд. МПЛ-373.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области. ул. им. Тевосяна, 25.

«12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире корабль-спутник «Восток» с человеком на борту»

Из сообщения ТАСС

Валентина Ивановна Гагарина,

жена космонавта-1, уроженка Оренбурга, медицинский работник, кавалер ордена Ленина, рассказывает о своем муже.

В книге использованы фотографии из семейного архива Гагариных. Многие публикуются впервые.